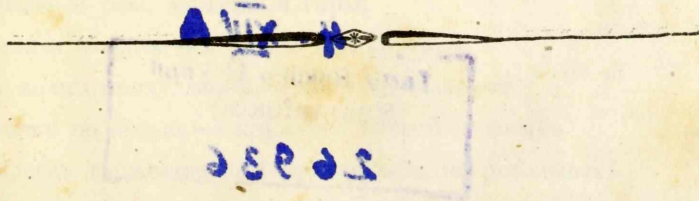

СТИХОТВОРЕНІЯ

А. ФЕТ.

МОСКВА.

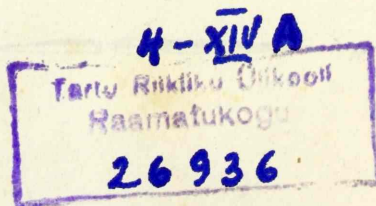
ВЪ ТИПОГРАФИИ Н. СТЕПАНОВА.

1850.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цен-
сурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва.
Декабря 14 для 1847 года.

Ценсоръ В. Лешковъ.

244516629

СТИХОТВОРЕНІЯ.

СНѢГА.

I.

Я Русской, я люблю молчанье дали мразной,
Подъ пологомъ снѣговъ, какъ смерть однообразной....
Лѣса подъ шапками иль въ инеѣ сѣдомъ,
Да рѣчку звонкую подъ темносинимъ льдомъ.
Какъ любить находить задумчивые взоры,
Завѣянные рвы, навѣянные горы,
Былинки сонныя, иль средь нагихъ полей,
Гдѣ холмъ причудливый, какъ нѣкій мавзолей.
Изваянъ полночью, — круженъ вихрей дальныхъ
И блескъ торжественный при звукахъ погребальныхъ.

II.

Знаю я, что ты, малютка,
Лунной ночью не робка:
Я на снѣгъ вижу утромъ
Легкій оттискъ башмачка.

Правда, ночь при свѣтѣ лунномъ
Холодна, тиха, ясна;
Правда, ты не даромъ, другъ мой,
Покидаешь ложе сна.
Бриллианты въ свѣтѣ лунномъ,
Бриллианты въ небесахъ,
Бриллианты на деревьяхъ,
Бриллианты на снѣгахъ.
Но боюсь я, другъ мой милый,
Чтобы въ вихрь духъ ночной
Не завъялъ бы тропинку,
Проложенную тобой.

III.

Вотъ утро сѣвера—сонливое, скупое,
Лѣниво смотрится въ окно волоковое;
Въ печи трещить огонь — и сѣрый дымъ ковромъ
Тихонько стелется надъ кровлею съ конькомъ.
Пѣтухъ заботливый, копаясь на дорогѣ,
Кричить.... а дѣдушка брадатый на порогъ
Кряхтитъ и крестится схватившись за кольцо,
И хлопья бѣлые летятъ ему въ лицо.
И полдень настаетъ. Но, Боже! какъ люблю я,
Какъ тройкою ямщикъ кибитку удалую
Промчить — и скроется.... И долго, мнится мнѣ,
Звукъ колокольчика трепещетъ въ тишинѣ.

IV.

Вѣтеръ злой, вѣтръ крутой въ полѣ
Заливается,
А сугробъ на степной волѣ
Завивается.
При лунѣ, — на верстѣ морозъ
Огонечками, —
Про живыхъ вѣтеръ вѣсть пронесъ
Съ позвоночками,
Подъ дубовымъ крестомъ свистить,
Раздувается.
Сѣрый заяцъ степной хруститъ,
Не пугается.

V.

Печальная береза
У моего окна,
И прихотью мороза
Разубрана она.
Какъ гроздь винограда,
Вѣтвей концы висать, —
И радостенъ для взгляда
Весь траурный нарядъ.
Люблю игру денницы
Я замѣчать на ней,
И жаль мнѣ, если птицы
Страхнуть красу вѣтвей.

VI.

Котъ поётъ, глаза прищуря,
Мальчикъ дремлетъ на ковръ,
На дворѣ играетъ буря,
Вѣтеръ свищетъ на дворѣ.
«Полно тутъ тебѣ валяться,
Спрячь игрушки, да вставай!
Подойди ко мнѣ прощаться,
Да и спать себѣ ступай.»
Мальчикъ всталъ. А котъ глазами
Поводилъ и все поётъ;
Въ окна снѣгъ валитъ клоками,
Буря свищетъ у воротъ.

VII.

Чудная картина,
Какъ ты мнѣ родна:
Бѣлая равнина,
Полная луна.
Свѣтъ небесъ высокихъ,
И блестящій снѣгъ,
И саней далекихъ
Одинокій бѣгъ.

VIII.

Ночь свѣтла, морозъ сілетъ,
Выходи — снѣжокъ хруститъ;

Пристяжная озябаетъ
И на мѣсть не стоитъ.
Сядемъ — полость застегну я, —
Ночь свѣтла и ровень путь.
Ты умолкнешь — замолчу я
И пошелъ куда нибудь.
И летучею вздою
Зимней ночью при лунѣ,
Я душѣ твоей раскрою
Все, что ясно будетъ мнѣ.

IX.

На двойномъ стеклѣ узоры
Начертилъ морозъ,
Шумный день — свои дозоры
И гостей унесъ;
Смолкнулъ яркій говоръ сплетней,
Скучный голосъ дня:
Благодатный и привѣтный
Все кругомъ меня.
Предъ горящими дровами
Сядемъ — тамъ тепло.
Мѣсяцъ быстрыми лучами
Пронизалъ стекло.
Ты хитрила, ты скрывала,
Ты была умна;
Ты давно не отдыхала,
Ты утомлена.

Но люблю я утомленье

Это созерцать:

.

.

Въ торжествѣ успокоенья

Свѣтлой красоты,

Безъ улыбки, безъ движенья,

Мнѣ понятна ты.

ГАДАНИЯ.

I.

Зеркало въ зеркало, съ трепетнымъ лепетомъ,
Я при свѣчахъ навела,
Въ два ряда свѣтъ — и таинственнымъ трепетомъ
Чудно горять зеркала.
Страшно припомнить душой оробьюю —
Тамъ за спиной нѣтъ огня —
Тяжкое что-то надъ шеею бьюю,
Плаваешь, давить меня!
Ну — какъ уставятъ гробами дубовыми
Весь этотъ рядъ между свѣчь, —
Ну, какъ лохматый съ глазами свинцовыми
Выглянетъ вдругъ изъ-за плечи!
Ленты да радуги, ярче и жарче дня —
Чтожь?... обернись, погляди!...
Суженый! золото, сѣребро!... Чуръ меня,
Чуръ меня — сгинь, пропади!

II.

Слушай одна ты — намъ не годится
Мертвая тишь!...
Только и слышно, чуть шевелится
Рѣзвая мышь.

»Чу! не стучите! кто-то шагаетъ
Вдоль закрововъ....
Сыплеть да сыплеть, пересыпаетъ
Рожъ изъ мышковъ.
Сыплеть орѣхи, деньги считаетъ,
Шубой шумить,
Всѣмъ надвѣляетъ, все общаетъ,
Только сердить.«
Ну, а тебѣ что? »Тие, сестрицы!
Что-то несутъ:
Такъ и трясутся всѣ половицы, —
Что-то поютъ;
Гробъ забиваютъ крышей большою,
Кто-то завываетъ!
Страшно, сестрицы! знать надо мною
Шутъ подшутить.»

III.

Ночь крещенская морозна,
Будто зеркало — луна.
»Побѣгу: еще не поздно,
Да боюсь идти одна.«
Я, сестрица, за тобою
Не пойду — одна иди!
Я съ тобою, за избою —
Наводи да наводи!
Ничего: пѣсь рѣбый ходить,
Вотъ и свѣрый у воротъ...

И красавица наводитъ,
И никакъ не наведетъ.
«Вижу, вижу! потянулись:
Разъ, два, три, четыре, пять....
Заструились, покачнулись,
Стало только три опять.
Ну, захочетъ почудесить,
Со страстей рехнуся я....
Шесть, семь, восемь, девять, десять —
Чешуя какъ чешуя....
Вотъ одиннадцать — все лица, —
«Вотъ собаки лай и вой...
Чуръ меня!...» — Ну что, сестрица? —
«Раскрасавецъ молодой!»

VI.

Помню я — старушка няня
Мнѣ въ рождественской ночи,
Про судьбу мою гадала,
При мерцаніи свѣчи,
И на картахъ выходили
Интересы да почетъ.
Няня, няня! ты ошиблась,
Обмануль тебя расчетъ;
Но за то уже влюбился
Твой воспитанникъ не въ мочь.
Погодай мнѣ, другъ мой няня,
Ныче святочная ночь.

Что? Не будет ли свиданья,
Разговоровъ иль письма?
Выйдетъ пиковая дама
Иль бубновая сама?
Няня добрая гадаетъ,
Грустно голову склоня;
Свѣчка тихо нагораетъ,
Сердце бьется у меня.

v.

Перекрестокъ, гдѣ ракетка
И стоитъ и спитъ:
Тихо ветхая калитка
За плетнемъ скрипитъ.
Кто-то крадется сторонкой: —
Санки пробѣгутъ:
И вопросъ раздастся звонкой:
Какъ тебя зовутъ?...
И отвѣтъ, какъ голосъ рока,
Прозвучитъ въ распахъ:
Тѣлогрѣйку имъ высоко
Приподниметъ вздохъ.

МЕЛОДИИ.

1.

Перлы восточные — зубы у ней,
Шелкъ шемаханскій — коса;
Мягко и ярко, что утро весной,
Свѣтятъ большіе глаза.
Перси при каждомъ вдыханьи у ней
Такъ выдаются впередъ,
Будто двѣ полныя чаши на груди
Ей опрокинулъ Эротъ;
Если же съ чувствомъ скажетъ: «люблю» —
Чувство и слово любви!
Къ этому слову — ты словъ не найдешь, —
Чувства для этой любви.

2.

Какъ умъ къ ней идетъ, какъ къ ней чувство идетъ,
Какъ чувство съ умомъ въ ней умѣетъ сродниться,
Умѣетъ родное найти — и на немъ
Такъ ярко и тонко всегда отразится.
Сквозь ставень окна, серебристымъ лучемъ
Такъ въ спальню прекрасной луна проникаетъ,
На столъ упадетъ — и нашедши на немъ
Алмазъ позабытый, съ алмазомъ играетъ.

3.

Не отходи отъ меня,
Другъ мой, останься со мной!
Не отходи отъ меня:
Мнѣ такъ отрадно съ тобой....
Ближе другъ къ другу чѣмъ мы,
Ближе нельзя намъ и быть;
Чище, живѣе, сильнѣй,
Мы не умѣемъ любить.
Если же ты — предо мной
Грустно головку склоня, —
Мнѣ такъ отрадно съ тобой:
Не отходи отъ меня!

4.

Утромъ курится поляна,
Вьется волнистый туманъ,
И на развѣвы тумана
Весело смотритъ Титанъ.
Шире грудей колыханье,
Локонъ свивается вновь, —
Слаще младое дыханье
И непорочнѣй любовь....
Утро какъ сонъ новобрачной,
Полно стыда и огня —
Все, что вечеръ было мрачно,
Ясно въ сіяніи дня.

5.

'Тихая, звездная ночь....
Трепетно светить луна:
Сладки уста красоты
Въ тихую, звездную ночь.

Два — радость любви!
Звезды что очи твои:
Въ небѣ луна и въ водѣ,
Будто печаль и любовь.

Другъ мой! я звезды люблю
И отъ печали не прочь,
Ты же, еще мгнѣ милѣй
Въ тихую, звездную ночь.

6.

Я полонъ думъ, когда, закрывши вѣжды,
Внимаю шумъ

Младаго дня и молодой надежды:

Я полонъ думъ.

Я все съ тобой, когда рука неволи

Владѣть мной —

И цѣлый день, будь ясно ли, темно ли —

Я все съ тобой.

Я жду тебя подъ сладкій шумъ фонтана,

И потопа

Туда глаза, гдѣ крадется Діана —

Я жду тебя.

7.

Буря на небѣ вечернемъ,
Моря сердитаго шумъ —
Буря на морѣ и думы,
Много мучительныхъ думъ —
Буря на морѣ и думы,
Хоръ возрастающихъ думъ —
Черная туча за тучей,
Моря сердитаго шумъ.

8.

Давноль подѣ волшебные звуки
Носились по залѣ мы съ ней?
Теплы были нѣжныя руки,
Теплы были звѣзды очей.

Вчера пѣли пѣснь погребенья,
Безъ крыши гробница была;
Закрывши глаза, безъ движенья, —
Она подѣ парчею спала.

Я спалъ.... надѣ постелью моею
Стояла луна мертвецомъ:
Подѣ чудные звуки мы съ нею
Носились по залѣ вдвоемъ.

NOCTURNO.

Ты спишь одинъ, забыть на мѣстѣ дикомъ,
Старинный монастырь!
Твой сводъ упалъ; кругомъ летаютъ съ крикомъ
Сова и нетопыръ.

И стеколь нѣтъ, и свищетъ вихоръ ночи
Во впадину окна,
Да плоть растеть, да устремляетъ очи
Полночная луна.

И кто-то тамъ мелькаетъ въ свѣтѣ лунномъ,
Блестить его уборъ —
И слышатся на пѣмостѣ чугуномъ
Шаги и звуки шпоръ.

И грустную симфонію печали
Звучить во тьмѣ органъ....
То тихо все, какъ будто вѣчно спали
И стѣны и органъ.

Когда я блестящій твой локонъ цѣлую
И жарко дышу такъ на милую грудь.—
Зачѣмъ говоришь ты про дѣву иную
И въ очи мнѣ прямо не смѣешь взглянуть?

Хоть вечеръ и близокъ, не бойся! Отъ стужи
Тебя я въ широкій свой плащъ заверну —
Луна не въ туманъ, а звѣздъ хоть и много,
Но мы заглядимся съ тобой на одну.
Хоть въ сердце не вѣруй.... хоть вѣруй въ мгновенье,
И взоръ мой, и трепеть, и лепеть пойми —
И жаркимъ лобзаньемъ спаливши сомнѣнье,
Ревнивая дѣва меня обойми!

11.

Въ рукъ съ тамбуриномъ, въ глазахъ съ упоеньемъ —
Ты гнешься и вьешься, плывешь и летишь:
Такъ чуткая травка подъ грезы Эола,
Подъ сонную арфу качается въ тишь.
Такъ въ тьмѣ, такъ въ членахъ, объятыхъ забвеньемъ,
Одно безъусталое сердце стучить,
Въ тотъ часъ, какъ при звѣздахъ недвижныхъ, холодныхъ,
Одна яркой искрою къ безднѣ летить.

12.

Я узнаю тебя и твой бѣлый вуаль,
Гдѣ роиаетъ цветы благовонный миндаль,
За рѣшеткою сада, съ лихаго коня,
И въ ночи при лунѣ, и въ сіяніи дня;
И гитару твою далеко слышу я,
Подъ журчанье фонтана и пѣснь соловья....
Днемъ и ночью гляжу сквозь рѣшетку я вдаль —
Не мелькнетъ ли въ саду бѣлоснежный вуаль.

15.

Мы ѣхали двое.... Подъ нею
Шелъ мѣрно и весело мулъ;
Мы въѣхали молча въ аллею,
И лучъ изъ за мирты блеснулъ.
Всѣ гроздья по темной алее
Зажглись прощальнымъ огнемъ —
Горять все свѣтлѣе, алее,
И вотъ мы въ потемкахъ вдвоемъ.
Не бойтесь, синьора! Я съ вами —
И ручку синьоры я взялъ,
И долго, прильнувши устами,
Я ручку ея цѣловалъ.

14.

За красавицу сосѣдку,
За глаза ея —
Виноградную бесѣдку
Не забуду я.
Помню вѣтренной смуглянки
Рѣзкій, долгій взоръ —
Помню милой итальянки
Утренній уборъ....
Жаркой груди половину,
Смоль ея кудрей —
И плетеную корзину
На рукъ у ней.

И прозрачной тѣни сѣтку
На лицѣ ея —
Виноградную бесѣдку
Не забуду я.

15.

Теплымъ вѣтромъ потянуло,
Смолкъ далекій гуль....
Поле тусклое уснуло,
Гуртовщикъ уснулъ.
Въ загородкѣ улеглся
И жуютъ вола,
Звѣзды чистыя зажглись
По навѣсу мглы.
Только хоръ свой огибаеъ
Мѣсяцъ золотой,
Только стадо обѣгаеъ
Песъ сторожевой.
Да и тотъ задремлетъ чутко —
Не усну лишь я....
Огонекъ блеснулъ.... малютка
Вѣрю ждетъ меня.

Между счастьемъ вѣчнымъ твоимъ и моимъ
Безконечное, другъ мой, пространство.
Не клянись мнѣ, я вѣрю: я точно любимъ,
И похвально твое постоянство;
Я и самъ и люблю и ласкаю тебя.
Эти локоны чудно — упруги!
Сколько вѣры въ глазахъ!... Я скажу не шутя:
Мнѣ не выбрать милѣе подруги.
Но къ чему тутъ обманъ? Говоримъ что хотимъ;
И къ чему осторожное чванство?
Между счастьемъ вѣчнымъ твоимъ и моимъ
Безконечное, другъ мой, пространство.

2.

Если зимнее небо звѣздами горить
И мечтательно свѣтитъ луна,
Предо мною твой образъ, твой дивный скользить,
Предо мною ты вся создана
И свѣтла и легка, ты несешься туда.
Я гляжу и молю хоть слѣдовъ.
И свѣтла и легка — но зато ни слѣда;
Только грудь обуяетъ любовь,
И летѣлъ бы, летѣлъ за красою твоей.
И пускай въ небѣ звѣзды горять,
И быстрѣй и свѣтлѣй мириады лучей
На пылинки ночны глядятъ.

5.

Полуночные образы ртють,
Блещутъ искрами ярко въ потьмахъ;
Но глаза различить не умѣютъ,
Многоль ихъ на тревожныхъ крылахъ.
Полуночные образы стонутъ,
Какъ больной въ утомительномъ снѣ,
И всплываютъ, и стонутъ, и тонутъ;
Но о чемъ это стонутъ онѣ?
Полуночные образы воютъ,
Какъ духовъ испутившійся пѣсь.
Я боюсь, они мнѣ откроютъ,
Что я самъ ихъ призывъ произнесъ.

4.

Я долго стоялъ неподвижно,
Въ далекія звѣзды вглядясь, —
Межъ тѣми звѣздами и мною
Какая-то связь родилась.
Я думалъ.... не помню, что думалъ;
Я слушалъ таинственный хоръ,
И звѣзды тихонько дрожали,
И звѣзды люблю я съ тѣхъ поръ....

5.

Шумѣла полночная выюга
Въ лѣсной и глухой сторонѣ;
Мы сѣли съ ней другъ подлѣ друга —
Валежникъ свисталъ на огнѣ.

И нашихъ двухъ тѣней громады
Лежали на красномъ полу,
А въ сердцѣ ни искры отрады
И нѣтъмь прогнать эту тьму!
Березы скрипятъ за стѣною,
Сукъ ели трещитъ смоляной....
О, другъ мой! скажи, что съ тобою?
Я знаю давно что со мной.

6.

Улыбка томительной скуки
Средь общей веселія жажды....
Вы, полные, сладкіе звуки —
Знать сердцу не слушать ихъ дважды....
За чѣмъ же за тающей скрипкой
Такъ сердце въ груди встрепенулось,
Какъ-будто знакомой улыбкой
Минувшее вдругъ улыбнулось?
Такъ томно и грустно — небрежно
Въ свой міръ разцвѣченный уносить
И ластится къ сердцу такъ нѣжно,
И такъ умилительно проситъ?
Подъ сладостный голосъ роднаго,
Въ заветной святыни раздумья,
Такъ много трепещетъ благаго,
И молить у сердца безумья;
Но тѣкія слёзы разлуки
Душевной не уняли жажды: —
Вы, полные, сладкіе звуки,
Знать сердцу не слушать ихъ дважды!...

(СЕРЕНАДА).

Тихо вечеръ погараеть
Горы золотя;
Знойный воздухъ холодасть —
Спи мое дитя.
Соловьи давно зашѣли,
Сумракъ возвѣстя;
Струны робко зазвенѣли —
Спи мое дитя.
Блещуть ангельскія очи,
Трепетно свѣтя;
Такъ легко дыханье ночи —
Спи мое дитя.
Такъ легко и такъ привольно
Страсти укротя,
Въ сердцѣ вымолвишь невольно:
Спи мое дитя.

Тихо ночью на степи
Небо ей сказало: спи!
И курганы спать;
Звѣзды жъ крупныя въ лучахъ
Говорятъ на небесахъ:
Вѣчный Святъ, Святъ, Святъ!
Въ небѣ чутко и светло.
Неподвижное крыло

За плечемъ молчить,
Нѣтъ движенья; лишь порой
Бриллиантовой слезой
Ангель пролетить.

9.

За кормою струйки выются,
Мы несемъ въ челнокъ
И далѣко раздаются
Звуки Нормы по рѣкѣ.
Млечный путь глядится въ воду —
Свѣтлый праздникъ свѣтлыхъ лѣтъ!
Я весломъ прибавилъ ходу
И луна бѣжитъ во слѣдъ.
По неволѣ пѣсни выются:
Ты съ гитарою въ рукѣ,
И далѣко раздаются
Звуки Нормы по рѣкѣ.

10.

ИЗЪ БАЙРОНА.

О солнце, глазъ безсонныхъ! Звѣздный лучъ,
Какъ слезно ты дрожишь межъ дальнихъ тучъ
Сопутникъ мглы — блестящій стражъ ночной,
Какъ по быломъ тоска сходна съ тобой,

Такъ свѣтитъ намъ блаженство давнихъ лѣтъ,
Горить, а все не грѣеть этотъ свѣтъ;
И гостя думъ воздушная видна,
Но далеко — ясна, но холодна.

11.

ИЗЪ МУРА.

Прощай, Тереза! Печальныя тучи,
Что томнымъ покровомъ луну облекли,
Еще помѣшаютъ улыбку летучей,
Когда твой любовникъ ужъ будетъ вдали.
Какъ эти тучи, я долгою тѣнью
Мрачишь твое сердце и жилъ безъ заботъ.
Сошлись мы — какъ вѣрила ты наслажденью,
Какъ вѣрила счастью; — о Боже! и вотъ,
Теперь — свободна ты, диво созданья
Скорѣ тяжелый свой сонъ разгоняй;
Смотри и луны ужъ прошло обаянье
И тучи минуютъ; — Тереза, прощай!

12.

Мы одни; изъ сада въ стекла оконъ
Свѣтитъ мѣсяцъ.... тусклы наши свѣчи;
Твой душистый, твой послушный локонъ,
Развиваясь, падаетъ на плечи.

Чтожь молчимъ мы? или самовластно
Царство тихой, свѣтлой ночи майской?
Иль поеть и ярко такъ и страстно
Соловей надъ розою китайской?
Знать цвѣты, которыхъ нѣтъ заветнѣй,
Распустились въ нѣгѣ своевольной?
Знать и кактусъ побѣлѣлъ столѣтнѣй,
И бананъ и лотосъ богомольной?
Иль проснулись птички за кустами,
Тамъ, гдѣ вѣтеръ колыхалъ ихъ гнѣзды?
И дрожа ревнивыми лучами
Ближе, ближе къ намъ нисходятъ звѣзды?
На суку извилистомъ и чудномъ
Пестрыхъ сказокъ пышная жилица
Вся въ огнѣ, въ сіяньи изумрудномъ,
Надъ водой качается жаръ-птица;
Расписныя раковины блещутъ
Въ переливахъ чудной позолоты,
До луны жемчужной пѣной мещутъ
И алмазной пылью водометы.
Листья полны свѣтлыхъ насѣкомыхъ,
Все растеть и рвется вонъ изъ мѣры;
Много сновъ проносится знакомыхъ
И на сердцѣ много сладкой вѣры.
Переходятъ радужныя краски,
Раздражая око свѣтомъ ложнымъ;
Мигъ еще.... и нѣтъ волшебной сказки,
И душа опять полна возможнымъ.
Мы одни; изъ сада въ стекла оконъ
Свѣтитъ мѣсяцъ.... тусклы наши свѣчи.

Твой душистый, твой послушный локонтъ,
Развиваясь, падаетъ на плечи.

13.

Недвижныя очи, безумныя очи,
Зачѣмъ вы средь дня и въ часы полуночи
Такъ жадно вперяетесь вдаль?
Ужели вы въ томъ потонули минувшемъ,
Котораго сердцу такъ жаль?
Не вамъ возродить, чего нѣтъ и что было,
Что сердце, какъ святость, въ себѣ схоронило
На самое темное дно;
Не вамъ допросить у случайности жадной,
Куда она скрыла рукой безпощадной,
Что было такъ щедро дано.

14.

Весеннее небо глядится
Сквозь вѣтви мнѣ въ очи случайно
И тѣнь золотая ложится
На воды блестящаго Майна.
Вдали огонекъ одинокой
Трепещетъ подъ сумракомъ липокъ,
Исполнена тайны жестокой
Душа замирающихъ скрипокъ.
Средь шума толпы неизвестной
Тѣ звуки понятнѣй мнѣ вдвое:

Напомнили силой чудесной
Они мнѣ все сердцу родное.
Ожившая память несётся
Къ прошедшей тоскѣ и веселью;
То сердце замреть, то проснется
За каждой безумною трелью.
Но быстро волшебной чредою
Промчалась тоскливая тайна
И мѣсяцъ бѣжитъ полосою
Вдоль водъ тихоструйнаго Майна.

13.

Какъ мошки зарею,
Крыматые звуки толпятся ;
Съ любимой мечтою
Не хочется сердцу разстаться.
Но цвѣтъ вдохновенья
Печалень средь буднишнихъ терній ;
Былое стремление
Далеко, какъ выстрѣлъ вечерній.
Но память былого
Все крадется въ сердце тревожно.
О, еслибъ безъ слова
Сказаться душой было можно!

16.

Спи — еще зарею
Холодно и рано;
Звѣзды за горою
Блещутъ средь тумана;
Пѣтухи недавно
Въ третій разъ пропѣли,
Съ колыбели плавно
Звуки промѣтили.
Дышутъ липъ верхушки
Нѣгою отрадной,
А углы подушки
Влагою прохладной.
Скоро вспыхнуть тучки,
Горы и потоки,
А у блѣдной ручки
Молодые щеки.

17.

VEILLE SUR CE QUE J'AIME.

Бди надъ тѣмъ, что сердцу мило,
Неизмѣнное свѣтило —

Звѣздочка моя.

Свѣтлыхъ сновъ и благодати

Ей, какъ спящему дитяти,

Умоляю я!

Сводъ небесный необъятенъ....
Чтобъ на немъ ей былъ понятенъ
Ходъ усталыхъ тучъ,
Твой восходъ, твое стремленье
И молитвенное бдѣнье,
И дрожащій лучъ.

18.

Какъ отрокъ зарею
Лукавые сны вспоминаеть,
Я звука душою
Ищу, что въ душѣ обитаетъ.
Хоть въ сердцѣ нѣтъ вѣры
Въ живое преданій наследство,
Люблю я химеры,
Гдѣ рдѣтъ румяное дѣтство.
Быть можетъ, что сонный
Со сномъ золотымъ встрепенется,
Иль стихъ благовонный
Изъ устъ разомкнутыхъ полетѣтъ.

19.

Свѣжъ и душистъ твой роскошный вѣнокъ,
Всѣхъ въ немъ цвѣтовъ благовонія слышны;
Кудри твои такъ обильны и пышны,
Свѣжъ и душистъ твой роскошный вѣнокъ.

Свѣжъ и душистъ твой роскошный вѣнокъ,
Яснаго ока губительна сила.

Нѣтъ, я не вѣрю, чтобъ ты не любила: —
Свѣжъ и душистъ твой роскошный вѣнокъ.

Свѣжъ и душистъ твой роскошный вѣнокъ!
Счастью сердце легко предается:
Мнѣ близъ тебя хорошо и поется.
Свѣжъ и душистъ твой роскошный вѣнокъ!

20.

Младенческой ласки доступенъ мнѣ лепетъ:
Душа откровенно такъ съ жизнью мирится.
Безумнаго счастья томительный трепетъ
Горячимъ приливомъ по сердцу стремится.

Скажу той звѣздѣ, что такъ ярко сіяетъ:
Давно не видались мы въ мірѣ широкомъ,
Что я понимаю, на что намекаетъ
Мнѣ съ неба она многозначущимъ окомъ.

Ты смотришь мнѣ въ очи. Ты права: мой трепетъ
Понятенъ, какъ лучъ твой, что въ воды глядится.
Младенческой ласки доступенъ мнѣ лепетъ:
Душа откровенно такъ съ жизнью мирится.

ВЕЧЕРА И НОЧИ.

I.

Право, отъ полной души я благодаренъ сосѣду.
Славная вещь — подъ окномъ въ клеткѣ держать соловья....
Грустно въ неволѣ пѣвцу, но чары сильны у природы!
Только прощальнымъ огнемъ озлатятся кресты на церквахъ,
И въ разцвѣтающій садъ за высокимъ, ревнивымъ заборомъ
Вечера свѣжесть вдыхать выйдетъ сосѣдка одна —
Вespera тайны въ пѣвцѣ пробудятъ желаніе воли
И подъ окномъ соловей громко засвищетъ любовь.
Что за чело у нея! за атласныя плечи и руки!
Что за янтарный отливъ на роскошныхъ извивахъ волосъ!
Станъ — заглядѣнье! притомъ, какая вертялая ножка!
Впрочемъ, зачѣмъ мнѣ роптать на высокій заборъ? Въ эту щель
Можетъ быть лучше она мнѣ кажется. Трудъ наслажденія
Цѣну ему самому удвоаетъ.... Но вечеръ насталь....
Что жъ не поетъ соловей, иль чтожъ не выходитъ сосѣдка?...
Можетъ сегодня мы всѣ трое другъ друга поймемъ.

II.

Вдали огонекъ за рѣкою,
Вся въ блесткахъ струится рѣка;
На лодкѣ весло удалое,
На цѣпи не видно замка.

Никто мнѣ не скажетъ: «куда ты
Поѣхалъ, куда загадалъ?»
Шевелись же, веслю, шевелись —
А берегъ во мракъ пропалъ!
Да что же? За тѣмъ бы не ѣхать?
Дождешьсяя вечерней порой
Опять и желанья и лодки,
И весла и огня за рѣкой?...

III.

Я люблю многое, близкое сердцу,
Только рѣдко люблю я....
Чаще всего мнѣ пріятно скользнуть по заливу
Такъ, — забываясь
Подъ звучную мѣру весла,
Омоченнаго пѣной шипучей....
Да смотреть, многоль отъѣхалъ
И многоль осталось,
Да не видать ли зарницы....
Изо всехъ островковъ,
На которыхъ рѣдко мерцаютъ
Огни рыбаковъ запоздалыхъ,
Милъ мнѣ одинъ предпочтительно....
Красноглазый кроликъ
Любить его;
Гордый лебедь, каждой весною,
Съ протянутой шеей, летаетъ вокругъ
И садится у берега

На тихія воды.
Надъ обрывомъ утеса
Ростеть, помавая вѣтвями,
Широколиственный дубъ.
Сколько ужъ лѣтъ тутъ живетъ соловей!
Онъ поетъ по зарямъ,
Да и позднюю ночью, когда
Мѣсяцъ обманчивымъ светомъ
Сребритъ и волны и листья....
Онъ не молкнетъ, поетъ
Все громче и громче.
Странныя мысли
Приходятъ тогда мнѣ на умъ:
Что это — жизнь, или сонъ?....
Счастливъ я или только обманутъ?
Нѣтъ ответа....
Мелкія волны что-то шепчутъ съ кормою,
Весло недвижимо,
И на небѣ ясномъ высоко сверкаетъ зарница.

IV.

Скучно мнѣ вѣчно болтать о томъ, что высоко, прекрасно;
Все эти толки меня только къ зѣвотѣ ведутъ....
Бросивъ педантовъ, бѣгу съ тобой побесѣдовать, другъ мой;
Знаю, что въ этихъ глазахъ, черныхъ и умныхъ глазахъ,
Больше прекраснаго, чѣмъ въ нѣсколькихъ стахъ фоліантахъ,
Знаю, что сладкую жизнь пью съ этихъ розовыхъ губъ.
Только пчела узнаетъ въ цвѣткѣ затаенную сладость,
Только художникъ на всемъ чувствуетъ прекраснаго слѣдъ.

V.

Долго еще прогорить Вespera скромная лампа;
Но уже светить съ небесъ дѣвы измѣнчивый ликъ,
Тонкія змѣйки сребра блещутъ на влагѣ уснувшей,
Звѣздное небо во мглѣ дальняго облака ждетъ.
Вотъ потянулось оно, легкому вѣтру послушно,
Скрыло богиню, и мракъ сладостный землю покрылъ.

VI.

Я жду.... Соловиное эхо
Несется съ блестящей рѣки,
Трава при лунѣ въ брилліантахъ,
На тминѣ горятъ свѣтляки.
Я жду.... Темносинее небо
И въ мелкихъ и въ крупныхъ звѣздахъ;
Я слышу бѣіе сердца
И трепеть въ рукахъ и въ ногахъ.
Я жду.... Вотъ повѣяло съ юга,
Тепло мнѣ стоять и идти;
Звѣзда покатила на западъ....
Прости золотая, прости!

VII.

Здравствуй! тысячу разъ мой привѣтъ тебѣ, ночь!
Опять и опять я люблю тебя;
Тихая, теплая,
Серебромъ окаймленная

Робко, свѣчу потушивъ, подхожу я къ окну....

Меня не видать, за то самъ я все вижу....

Дождусь, непременно дождусь:

Калитка вздрогнетъ растворясь,

Цвѣты закачавшись сильнѣе запахнутъ, и долго,

Долго при мѣсяцъ будетъ мелькать покрывало.

VIII.

Другъ мой, безсильны слова, — одни поцалуи всесильны....

Правда, въ запискахъ твоихъ весело мнѣ наблюдать,

Какъ приливъ и отливъ мыслей и чувства мышають

Ручкѣ твоей повѣрять то и другое листку;

Правда, и самъ я пишу стихи послушной богинѣ;

Много и риѣмъ у меня, много размеровъ живыхъ....

Но межъ ними люблю я риѣмы взаимныхъ лобзаній,

Съ нѣжной цезурою устъ, съ вольнымъ размеромъ любви.

IX.

Ночью какъ-то вольнѣе дышать мнѣ,

Какъ-то просторнѣй...

Даже въ столицѣ не тѣсно!

Окна растворишь:

Тихо и чутко

Плыветъ прохладительный воздухъ.

А небо? а мѣсяцъ?

О! этотъ мѣсяцъ волшебникъ!

Какъ будто бы крови

Покрываютъ зеркальнымъ стекломъ,

Шпили и кресты — бриллианты;
А тамъ за луной горизонтъ
Чѣмъ дальше — свѣтлѣй и прозрачнѣй.
Смотришь — и дышишь,
И слышишь дыханье свое,
И бой отдаленныхъ часовъ,
Да крикъ часового,
Да изрѣдка стукъ колеса,
Или пѣніе вѣстника утра.
Чтобы проплыть тому облаку мимо!
На что ему мѣсяць?...
Знать ужъ такъ должно, знать предназначено было.

X.

Радъ я дождю.... Отъ него тучнѣетъ мягкое поле,
Листъ зеленѣетъ на веткѣ и воздухъ становится чище....
Зелени запахъ одну за одной изъ ульѣвъ многошумныхъ
Пчель вызываетъ.

Но, что для меня еще лучше,
Это — когда онъ ее на дорогѣ ко мнѣ орошаетъ!
Мокрые волосы, гладко къ челу прилегая,
Такъ и сіяютъ у ней; а губки и блѣдныя ручки
Такъ холодны, что нельзя не согрѣть ихъ, подложу устами.
Но нестерпимъ ты мнѣ ночью безсонною, Пловій Юпитеръ.
Лучше согласенъ я крысъ и мышей въ моей комнатѣ слушать,
Лучше колеса пускай гремятъ непрестанно у оконъ,
Чѣмъ этотъ шумъ и удары глухихъ, бессмысленныхъ капель;
Точно какъ будто-бы птицъ проклятое стадо

Сотнями ногъ и посовъ терзають желѣзную кровлю.
Юпитерь П.лювій — помилуй! Расти, сколько хочешь, цвѣ-
товъ ты
Для прекрасной и лавровъ юныхъ на кудри поэта,
Только помилуй! не бей по ночамъ мнѣ въ желѣзную кровлю.

XI.

Слышишь ли ты, какъ шумить крылами угольное стадо?
Съ крикомъ летять черезъ домъ къ теплымъ полямъ журавли,
Жѣлтые листья шумять, въ березникѣ свищетъ синица.
Ты говоришь, что опять теплой дождался весны....
Развѣ зимой у тебя меньше ланиты цвѣтутъ?...
Въ зеркалѣ часто себя ты видишь съ дѣтской улыбкой,
Свой поправляя вѣнокъ; такъ разрѣши мнѣ сама,
Гдѣ у тебя на лицѣ болѣе жизни и страсти,
Вешимъ ли утромъ въ саду, въ полномъ сѣяньи зари,
Иль у огня моего, когда я боюсь, чтобы искра,
Съ трескомъ прыгнувъ, не сожгла ножки малютки твоей?

XII.

Каждое чувство бываетъ понятнѣй мнѣ ночью и каждый
Образъ пугливо-нѣмой дольше трепещетъ во мнѣ....
Самые звуки доступнѣй, даже когда неподвиженъ
Книгу держу я въ рукахъ, самъ пробѣгая въ умѣ
Все невозможно-возможное, странно-бывающее.... Лампа
Томно у ложа горитъ, мѣсяцъ смѣется въ окно,

А въ отдаленіи колоколъ вдругъ запоётъ — и тихонько
Въ комнату звуки плывутъ; я предаюсь имъ вполне:
Сердце въ нихъ нахождю всегда какую-то влагу,
Точно какъ будто росой ночи омыты они....
Звукъ все тотъ же поётъ, но съ каждымъ порывомъ иначе:
То въ немъ мѣди тугой болѣе, то серебра.
Странно, что ухо въ ту пору, какъ будто не слушая, слышитъ....
Въ мысляхъ иное совсѣмъ, думы волна за волной,
А между тѣмъ еще глубже сокрытая сила объемлетъ
Лампу и звуки, и ночь—ихъ сочетавши въ одно:
Такъ посвящая все больше и больше пылливую душу,
Ночь научаетъ ее міръ созерцать и себя.

XIII.

Любо мнѣ въ комнатѣ ночью стоять у окошка въ потемкахъ,
Если луна съ высоты прямо глядитъ на меня,
И, проникая стекло, нарисуетъ квадраты лучами
По полу, — комнату всю дымомъ прозрачнымъ полъ;
А за окошкомъ въ саду между листьевъ сирени и липы,
Черныя группы дѣла, зыбкимъ находить лучемъ
Всѣ промежутки — и внизъ ея золоченыя стрѣлы
Яркимъ стремятся дождемъ, иль одинокій листокъ
Лунному свѣту мышаетъ рассыпаться по-земи; самъ же,
Свѣтомъ осыпанный весь, черенъ дрожить на тѣни.
Я восклицаю: блаженъ трижды, блаженъ, о Діана!
Кто всемогущей судьбой въ тайны твои посвященъ,

XIV.

Лѣтній вечеръ тихъ и ясенъ;
Посмотри, какъ дремлютъ ивы,
Западъ неба блѣдно-красенъ
И рѣки блестятъ извивы.
Отъ вершинъ скользя къ вершинамъ,
Вѣтръ ползетъ лѣсною высью.
Слышишь ржанье по долинамъ:
То табунъ несется рысью.
Да оставь окно въ покоѣ,
Подожди еще немножко —
Я не знаю, что такое,
Полетѣть бы изъ окошка.

XV.

Что за вечеръ, а ручей
Такъ и рвется;
Какъ зарей-то соловей
Раздается.
Мѣсяцъ свѣтомъ съ высоты
Обдалъ нивы,
А въ оврагѣ блескъ воды,
Тѣнь, да ивы.
Знать давно въ плотинѣ течь:
Доски гнилы;
А нельзя здѣсь не прилечь
На перилы.

Такъ-то все весной живеть!

Въ рощѣ, въ полѣ

Все трепещеть и поеть

По неволѣ.

Мы замолкнемъ, что въ кустахъ

Хоры эти —

Прійдутъ съ пѣснью на устахъ

Наши дѣти;

А не дѣти, такъ пройдутъ

Съ пѣснью внуки:

Къ нимъ съ весною низойдутъ

Тѣже звуки.

ТАЛИСМАНЪ.

I.

Октавами и повѣсть, признаюсь!
И, полноте, ну что я за писатель?
У насъ беда! и, право, я боюсь,
Такъ ни за чтò услышишь: подражатель!
А по размеру, я на васъ сошлюсь,
И вы не рѣдко судите, читатель.
Но чтò же дѣлать? видно такъ и быть:
Бояться волка, въ лѣсъ нельзя ходить.

II.

Вы знаете, деревню я люблю
И зимній быть; плохой я горожанинъ.
А этой жизни душной не терплю,
И повѣстью напомио образъ Танинъ,
Сугробами деревню завало,
Какъ некогда январскій Москвитанинъ...
Но, виноваты! я знаю, вамъ мнѣй
Тверской бульваръ невѣдомыхъ полей.

III.

Васъ не займетъ отлогій косогоръ
И ветхій храмъ, съ безмолвной колокольней,
И синій лѣсъ по скату бѣлыхъ горъ;
Не станете вы внутренно довольный
Разсматривать старинный барскій дворъ,
И въ тѣхъ мѣстахъ молиться богомольный.
Но вѣрно есть въ нихъ скрытая печаль:
Иначе чтожъ — зачѣмъ же мнѣ ихъ жаль?

IV.

Тамъ у меня ни близкихъ, ни родни,
Но знать душѣ напомнили тѣ горы
Мѣста инья, гдѣ, въ былые дни,
Звучали въ замкахъ рыцарскія шпоры,
Блистали въ окнахъ яркіе огни
И дамскіе роскошные уборы,
И гдѣ теперь — давно ли былъ я тамъ?
Ни залъ, ни шпоръ, ни благородныхъ дамъ.

V.

Да, все пройдетъ своею чередой!
Давно ли онъ, романтиковъ образчикъ —
Про степь и глушь бесѣдовалъ со мной?
Онъ былъ и славный малой и рассказчикъ;
Но вотъ вся жизнь его покрыта мглой,
Онъ самъ давно улегся въ долгій ящикъ.
Но помню я въ его рассказахъ ночь;
Я вамъ рассказъ тотъ передамъ точь въ точь.

VI.

«Шестнадцать лѣтъ, я помню, было мнѣ,
Близъ той деревни жилъ и я когда-то.
Не думайте, что я герой вполнѣ,
Что жизнь моя страданьями богата.
Пришла пора, и вздумалось роднѣ
Почти ребенка превратить въ солдата.
Казалось, въ даль стремился я душой,
Но я любилъ, то былъ обманъ пустой.

VII.

«Кто юныхъ лѣтъ волненія не зналъ?
И первой страсти пылкой, но послушной,
Во дни надеждъ о счастья не мечталъ
Съ веселіемъ улыбки простодушной?
И кто къ ногамъ судьбы не повергалъ
Кровавыхъ жертвъ любви великодушной?
И все пройдетъ: нельзя же вѣкъ любить;
Но есть и то, чего нельзя забыть.

VIII.

«Пора, пора изъ теплаго гнѣзда
На зовъ судьбы далекій подниматься!
Смеркался день, вечерняя звѣзда
Въ дали зажглась; я началъ одѣваться;
До ихъ села не дальняя ѣзда;
Передъ отъездомъ должно распрощаться.
Готова тройка, порскій снѣгъ взвился
И колокольчикъ жалко залился.

IX.

«Пошёл, пошёл! всего верстъ двадцать пять;
Да льдомъ поѣдемъ: тамъ ѣзда ровнѣе.
Смотри, чтобъ намъ въ село не опоздать,
Хотя домой прѣдемъ и позднее.
Ты коренной-то не давай скакать.
Я нашей тройки не видалъ дружнѣе
(И вамъ, я чай, случалось ѣздить льдомъ);
Да вотъ и церковь, вотъ господскій домъ!»

X.

«Не стану я описывать фасадъ
Стариннаго ихъ дома. Изъ гостиной
Въ стекло балкона виднѣнъ голый садъ
Съ бесѣдкою и сонною куртиной.
Признаться вамъ, ребяческій мой взглядъ
Тогда иною занять былъ картиной.
И маменькѣ, хозяйкѣ дома, чуть
Я не забылъ промолвить что нибудь.»

XI.

«За то она разсыпала слова...
(За хлѣбъ и соль ее хвалили міромъ).
Радужная сосѣдка и вдова,
Какъ водится, была за бригадиромъ;
Ея сынокъ любимый — голова,
Жилъ въ отпуску усатымъ кирасиромъ.
Гдѣ онъ теперь, не знаю, право, я;
Но что за дочки! — Чудная семья!»

XII.

«Ихъ было двѣ — намъ должно ихъ называть.

Пожалуй, мы хоть старшую Варварой,

Меньшую Александрой станемъ звать.

Онѣ прекрасны были. Чудной парой,

Для всѣхъ замѣтно, любовалась мать;

Хоть иногда своей красою старой

Блистать хотѣла, что грѣха таить!

Но женщинѣ какъ это не простить?

XIII.

Мы младшую оставимъ, что намъ въ ней?

Она блондинка стройная, положимъ;

Но этотъ взмѣдъ и смыслъ ея рѣчей

Все говоритъ, что и лицомъ пригожимъ

И тѣней горда она своей;

Что весело ей правиться прихожимъ.

За то Варвара — томная луна,

Какъ ты была прекрасна и скромна!

XIV.

«Ее не разъ и прежде я видалъ,

Когда случался близко у сосѣдства

Когда нибудь необычайный балъ,

По случаю крестинъ или наслѣдства;

Но въ этотъ мигъ въ душѣ припоминалъ

Я образъ, мнѣ знакомый съ малолѣтства.

И не ошибся: въ городѣ одномъ

Мы съ ними жили, рядомъ былъ ихъ домъ.

XV.

«Чтожь можно лучше выдумать?» — и мать
Припомнила ту счастливую пору,
И прочее. Я долженъ быть внимать
Хозяйки доброй искреннему вздору.
Сынокъ меня придумалъ занимать:
Велѣлъ привести любимую мнѣ свору,
И я хвалилъ за стать его борзыхъ,
А мнѣ, признаться, было не до нихъ.

XVI.

«Я и забылъ: день святочный былъ то.
Зажгли огни; мы съ Варинькой сидѣли;
Большое блюдо было наливо;
Дворовыя надъ блюдомъ пѣсни пѣли,
И сердце ими было занято,
Съ гаданьями предчувствія кипѣли.
Я посмотрѣлъ на милое лицо....
И за меня она дала кольцо.

XVII.

«Съ какимъ отраднымъ страхомъ я внималъ
Тѣхъ вѣщихъ пѣсень роковому звуку!
Но вотъ мое кольцо — я услышалъ
Въ моемъ припѣвѣ близкую разлуку:
Какъ будто я давно о томъ не зналъ!
Но Варинька мнѣ тихо сжала руку,
И капли слезъ едва сдержать я могъ;
Но улетѣлъ неосторожный вздохъ.

XVIII.

«Другой сосѣдъ пріѣхалъ — онъ женихъ.
Но столъ готовъ въ диванной съ самоваромъ,
И Варинька исчезла.... Въ этотъ мигъ
Сосѣдъ женихъ мнѣ былъ небеснымъ даромъ:
Имъ занялись.... Я ускользнулъ отъ нихъ.
«Вы не въ столовой?» — Обдало какъ варомъ
Меня отъ этихъ словъ.... но этотъ взоръ!
О! я вполне ей вѣрилъ съ этихъ поръ!

XIX.

«Мы говорили Богъ знаетъ о чемъ:
Скучаютъ ли онъ въ своемъ имѣньи?
О сельскомъ лѣтѣ, о весѣ; потомъ
О Шилерѣ, о музыкѣ и пѣньи.
«Я вамъ спою.... Скажите, вамъ знакомъ
Романсъ такой-то?» — Въ сладкомъ упоеньи
Едва, едва касался я земли....
Но чай простылъ, и самоваръ снесли.

XX.

«Въ столовую я вышелъ.... Боже мой,
Какое счастье! — Заняты гаданьемъ,
И я прошелъ нарочно предъ толпой,
И тихо скрылся. Чуднымъ обаяньемъ
Меня влекло за двери. — За стѣной
Дрожали струны сладостнымъ бряцаньемъ....

Нѣтъ, я не въ силахъ.... больше не могу —
На тайный зовъ я къ милой побѣгу.

XXI.

«Серебряная ночь глядѣлась въ домъ....
Она безъ свѣчъ сидѣла за роялю.
Луна была такъ хороша лицомъ,
И осыпала полъ граненой сталью;
А звуки пѣсни разлились кругомъ
Какою-то мучительной печалью:
Все вмѣстѣ было чувства торжество,
Но то была не жизнь, а волшебство.

XXII.

«И самъ не свой, я, наклоняясь, чуть
Не покрывалъ кудрей ея лобзаньемъ,
И жаждою моя горѣла грудь;
Хотѣлось мнѣ порывистымъ дыханьемъ
Всю душу звуковъ сладостныхъ вдохнуть,
И выдохнуть съ послѣднимъ издыханьемъ
Дрожали звуки на ея устахъ,
Дрожали слезы на ея глазахъ.

XXIII.

«Вы знаете», сказала мнѣ она,
«Что я владѣю чуднымъ талисманомъ?
Хотите ли, я буду вамъ видна
Всегда, вездѣ, съ луною, за туманомъ?»

Несбыточнымъ была душа полна,
Я счастливъ былъ ребяческимъ обманомъ.
Чтобъ ни было — я вѣрилъ всей душой —
И для меня слилась она съ луной.

XXIV.

«Я былъ въ дали, ее я позабылъ:
Иныя страсти овладѣли мною;
Я даже снова искренно любить,
Но каждый разъ, когда ночной порою,
Засвѣтится воздушный хоръ свѣтилъ —
Я увлеченъ волшебницей луною.

.

.

БАЛЛАДЫ.

ЗМѢЙ.

Чуть вечернею рососою
Осыпается трава,
Чешетъ косу, моетъ шсю
Чернобровая вдова,
И не сводить у окошка
Съ неба темнаго очей,
И летить, свиваясь въ кольца,
Въ яркихъ искрахъ длинный змѣй.
И шумить все ближе, ближе,
И надъ вдовьинымъ дворомъ,
Надъ соломенною крышей
Разсыпается огнемъ.
И окно тотчасъ затворить
Чернобровая вдова;
Только слышатся въ свѣтицѣ
Поцалуи да слова.

СИЛЬФЫ.

Ночную фіалку лобзаеъ Зефиръ,
И сладостно цвѣтъ задышалъ,
Я слышу бряцаніе маленькихъ лиръ;
Луну я въ росинкѣ узналъ.

И свѣтлая капля дрожить теплотой
И мещеть сіянье вокругъ,
И Сильфы собрались веселой толпой
Съ улыбкой взглянуть на подругъ.

И крошка Сильфида взяла свѣтляка
На пальчикъ. Онъ вѣтсѣ какъ змѣй.
Какъ ярко лицо и малютка рука
Сіяньемъ покрылись у ней.

Но, чу! кто-то робко ударилъ въ тимпаны!
Лучей вамъ нельзя перевозмочь!
И весь упоенный раскрылся тюльпанъ
Въ послѣднюю сладкую ночь.

Но вотъ ужъ на встрѣчу грядущему дню
Готовы цвѣтовъ олтари,
И Сильфы съ улыбкой встречаютъ родню
И свѣтлаго друга зари.

ВАМПИРЪ.

Почти ребенкомъ я была,
Всѣ любовались мной;
Мнѣ шли и кудри по плечамъ
И фартучекъ цвѣтной;
Любила мать смотрѣть, какъ я
Молилась по утру,

Любила слушать, если я
Пѣвала ввечеру.
Чужой однажды посетилъ
Нашъ тихій уголокъ:
Онъ былъ такъ нѣженъ и умёнъ,
Такъ строенъ и высокъ.
Онъ часто въ очи мнѣ глядѣлъ
И тихо руку жалъ,
И тайно глазъ мой голубой
И кудри цаловалъ.
И помню, стало мнѣ вокругъ
При немъ всё такъ свѣтло,
И стало мутно въ головѣ,
И на сердце тепло.
Летѣли дни.... протѣкъ годъ....
Насталъ послѣдній часъ —
Ему шепнула что-то мать,
И онъ оставилъ насъ.
И долго, долго, мнѣ пришлось
И плакать и грустить;
Но я боялась о немъ
Когонибудь спросить.
Однажды, вижу: милый гость,
Припавъ къ устамъ моимъ,
Мнѣ говорить: «Не бойся, другъ,
Я для другихъ незримъ.»
И съ этихъ поръ — онъ снова мой,
Въ объятіяхъ моихъ,
И страстно, крѣпко онъ меня
Цалуетъ при другихъ.

Всѣ говорятъ, что яркій цвѣтъ
Ланить моихъ больной....
Имъ не узнать, какъ жарко ихъ
Цалуетъ милый мой.

МЯТЕЛЬ.

Ночью буря разозлилась,
Крыша снѣгомъ опушилась
И собаки по щелямъ.
Липнетъ глазъ отъ рѣзкой пыли,
И огни ужъ потушили
Вдоль села по всемъ дворамъ.
Лишь въ избушкѣ, за дорогой,
Одинокой и убогой
Огонекъ въ окнѣ горить.
Въ той избушкѣ только двое.
Кто ихъ знаетъ, что такое
Брать съ сестрою говорить:
«Помнишь то, что, умирая,
Говорила намъ родная
И родимый — отвѣчай?
Вотъ теперь, что день, то гонка,
И крикливаго ребенка,
Повѣкъ дѣвкою, качай.
И когда же вражья сила
Васъ свела? Ведь нужно жъ было

Завертѣться мнѣ въ извозъ!...

Иль отвѣтить не умѣешь?

Что молчишь и что блѣднѣешь?

Право, дѣвка, не до слезъ.»

«Братецъ милый, ради Бога,

Не гляди въ глаза мнѣ строго:

Я въ ночи тебя боюсь.»

«Хоть ты бойся, хоть не бойся,

А сойдуся — не безпокойся,

Съ нимъ посвойски разочтусь.»

Вѣтеръ пуще разыгрался;

Кто-то въ избу постучался.

«Кто тамъ?» братъ въ окно спросилъ.

«Я прохожій — и отъ снѣга

До утра ищу ночлега.»

Чей-то голосъ говорилъ.

«Что жъ ты руки-то поджала?

Люльку вдоволь, чай, качала.

Хоть грусти, хоть не грусти;

Нѣтъ меня — такъ нѣтъ и лѣни.

Побѣги проворнѣй въ сѣни,

Да прохожаго впусти.»

Черезъ порогъ ступилъ прохожій.

Помолясь на образъ Божій,

Поклонился брату онъ;

А сестрѣ какъ поклонился,

Да взглянулъ, остановился,

Точно громомъ пораженъ.

Всѣ молчатъ; сестра блѣднѣетъ,

Никуда взглянуть не смѣетъ;

Изъ подлюбыя брать глядить;
Все молчить; лучина съ трескомъ
Лишь горить багровымъ блескомъ,
Да по кровль вѣтръ шумить.

ДОЗОРЪ.

Изъ бесѣдки садовой воевода багровой
Въ замокъ вбѣгъ — еле духъ переводить;
Дернулъ занавѣсъ — что же? Глядь на женино ложе —
Задрожалъ — никого не находить.

Онъ поникъ головою и дрожащей рукою
Сивый усъ покрутилъ онъ угрюмо;
Взоромъ ложе окинулъ, рукава въ тылъ закинулъ,
И позвалъ казака онъ Наума.

«Гей, ты хамово племя! отъ чего въ это время
У воротъ нѣтъ ни пса, нѣтъ ни дворни?
Видишь сумку барсучью, да винтовку гайдучью,
Да подай карабинъ мой проворный.»

Взяли ружья, помчались, до ограды подкрались,
Гдѣ бесѣдка стоитъ садовая.
На скамейкѣ изъ дерна что-то бѣло и черно:
То сидѣла жена молодая.

Бѣлой ручки перстами, скрывши очи кудрями,
Грудь сорочкой она прикрывала,
А другою рукою отъ коленъ предъ собою
Плечи юноши прочь отклоняла.

Тотъ, къ ногамъ преклоненный, говорить ей смущенный:
«Такъ конецъ и любви и надеждъ!
Такъ за эти объятія, за твои рукожатія
Заплатилъ воевода ужъ прежде!

Сколько лѣтъ я вздыхаю, той же страстью сгораю
И удѣлъ мой страдать безконечно
Не любилъ, не страдалъ онъ, лишь казной побряцалъ онъ
И ты все ему предала вѣчно.

Онъ, что ночь — властелиномъ, на пуху лебединомъ
Старый лобъ къ этимъ персямъ склоняеть,
И съ лавить воспаленныхъ и съ кудрей благовонныхъ
Мнѣ запретную сладость впиваетъ.

Я жъ, коня осѣдлавши, да луну обождавши,
Тороплюся по хладу ненастья,
Чтобъ встрѣчаться стenanьемъ и прощаться желаньемъ
Доброй ночи и долгаго счастья.»

Не плѣнивши ей слуха, онъ ужъ шепчетъ на ухо
Знать иныя мольбы и заклатья,
Что она, безъ движенія и полна упоенья,
Пала къ милому тихо въ объятія.

Съ казакомъ воевода взводятъ разомъ два взвода
И патроны изъ сумки достали,
И скусили зубами и въ стволы шомполами
Порохъ съ пулями плотно дослали.

«Пань!» казакъ замѣчаетъ: «бѣсъ какой-то мѣшаетъ:
Не бывать въ этомъ выстрѣлѣ толку.
Я, курокъ нажимавши, сыпалъ мимо дрожавши
И слеза покатила на полку.»

«Гише! выдумалъ вѣкать. Научу тебя плакать,
Только слово промолвить осмѣлся.
Всыпь на полку, да живо сдерни погтемъ огниво
И той женщинѣ въ лобъ ты прицѣлся.

Выше, въ право, до разу, моего жди приказу,
Молодца-то сперва на свободѣ.»
Но казакъ не дождался, громко выстрѣлъ раздался
И прямѣхонько въ лобъ — воеводѣ.

ГЕРА и ЛЕАНДРЪ.

Блѣдень ликъ твой, блѣдень, дѣва!
Средь упругихъ волнъ напѣва
Я люблю твой блѣдный ликъ.
Подъ окномъ на всемъ просторѣ
Только море — только въ морѣ
Волнъ кочующихъ родникъ.

Тихо. — Море голубое
Взору жадному въ поковъ
Каждый лучъ передаетъ.
Чтожъ тамъ въ морѣ — чья побѣда?
Иль въ зыбяхъ, вторая Леда,
Лебедь-богъ къ тебѣ плыветъ?
Не безсмертный, не безсонный,
Нѣтъ, то юноша влюблённый
Проложилъ отважный путь,
И полна огнемъ желаній
Волны взмахомъ крѣпкой длани
Молодая рѣжетъ грудь.
Меркнетъ день; изъ крайней тучи
Вдоль пучины вѣтръ летучій
Направляетъ шаткій бѣгъ,
И подъ молніей багровою
Страшный валъ было-головый
Съ рѣвомъ прыгаетъ на берегъ.
Гдѣ жъ онъ, Гера? съ бездной споря,
Удушяющаго моря
Онъ свиданьемъ дорожитъ!
Хоть безстрастенъ, хоть безгласенъ,
Но по прежнему прекрасенъ,
Онъ у ногъ твоихъ лежитъ.
Блѣденъ ликъ твой, блѣденъ, дѣва!
Средь упругихъ волнъ напѣва
Я люблю твой блѣдный ликъ.
Подъ окномъ на всемъ просторѣ
Только море — только въ морѣ
Волнъ кочующій родникъ.

ВОРОТЬ.

Спать пора, свѣча сгорѣла;
Да и ты, моя краса,
Голова отяжелѣла:
Кудри лезутъ на глаза.
Стань вотъ тутъ передъ иконы,
Я постельку стану стлать.
Не спиши же класть поклоны,
Богородицу читать.
Видишь, глазки-то бѣдняжки
Такъ и просятся уснуть.
Только воротъ у рубашки
Надо прежде разстегнуть.
«Отъ чего же, няня, надо?»
Надо, другъ мой, чтобъ тобой,
Не сводя святаго взгляда,
Любовался Ангелъ твой.
Твой хранитель, Ангелъ Божій,
Прилетаетъ по ночамъ,
Какъ и ты, дитя пригожій,
Только крылья по плечамъ.
Коль твою онъ видитъ душку,
Воротъ вскрыть и тихъ твой сонъ:
Тихо съ права на подушку
Улыбаясь сидеть онъ;
А закрыта душка, спрячетъ
Душку воротъ, мутны сны:
Ангелъ взглянетъ и заплачетъ,
Сядетъ съ лѣвой стороны.

Надъ тобой Господня сила!
Дай, я воротъ распушу.
Ужь подушку я крестила
И тебя перекрещу.

На дворъ не слышно вьюги,
Надъ землею туманный паръ;
Ужь давно вода остыла,
Смолкъ шумливый самоваръ.
Няня старая не видитъ
И не слышитъ — всё прядетъ;
Мычку лѣвою пощиплетъ,
Правой нитку отведетъ;
А ребенокъ все играетъ.
Какъ хороше онъ при огнѣ!
И кудрявая головка
Отразилась на стѣнѣ.
Вотъ задумался няня,
Со свѣчи нагаръ сняла,
И прекраснаго малютку
Ближе къ свѣчкѣ подвела.
«Дай-ка ручки!» Няня хочетъ
Посмотрѣть на ихъ черты.
«Что? на пальчикахъ дорожки
«Не кружками ль завиты?»
Няня смотритъ.... Вотъ вздохнула....
«Ничего, дитя мое!»
Вотъ заплакала — и плачетъ
Мальчикъ, глядя на неё.

ЛЕГЕНДА.

Вдоль по берегу полями
Бдетъ сынъ княжой;
Сорокъ отроковъ верхами
Слѣдуютъ толшой.
Страненъ ликъ его суровой,
Все кругомъ молчить,
И подкова лишь съ подковой
Часто говорить.
«Разгуляйся въ полѣ,» — сыну
Говорилъ старикъ.
Знать сыновнюю кручину
Старый взоръ проникъ.
Съ золотыми стремянами
Княжій аргамакъ;
Шемаханскими шелками
Вышитъ весь чепракъ;
Но печаленъ въ полѣ чистомъ,
Князь себѣ не радъ,
И не кличетъ громкимъ свистомъ
Кречетовъ назадъ.
Онъ давно душою жаркой,
Въ перегарѣ силъ,
Всю неволю жизни яркой
Втайнѣ отлюбилъ.
Полюбить успѣвъ вериги
Молодой тоски,
Переписываетъ книги,
Пишетъ кондаки.

И не разъ въ минуты битвы
Съ жизнью молодой,
Въ увлеченіи молитвы
Находилъ покой.
'Бдетъ онъ въ раздумьи шагомъ
На лихомъ конѣ;
Вдругъ пещеру за оврагомъ
Видитъ въ сторонѣ:
Тамъ душевной жаждѣ пищу
Старецъ находилъ,
И къ пустынному жилищу
Князь поворотилъ.
Годы страсти, годы спора
Пронеслися вдругъ,
И пустынного простора
Онъ почувалъ духъ.
Слѣзъ съ коня, оборотился
Къ отрокамъ спиной,
Снялъ кафтанъ, перекрестился
И махнулъ рукой.

СОНЕТЫ.

I.

О, для тебя я сдѣлаюсь поэтомъ!
Готовъ писать и прозой и стихами,
Распоряжаться мыслью и словами,
И риѣмы въ рядъ нанизывать сонетомъ.

Да что же мнѣ? — какая польза въ этомъ?
Я не рѣшусь быть низкимъ передъ вами;
Я не рѣшусь черными словами
Васъ выставить, запачкать передъ свѣтомъ.

Но если вы, понявъ мои намѣки,
Со страху разъ помолитесь неволью,
И нѣдолго запомните уроки,
Въ которыхъ то-то и смѣшно, что больно:
Повѣрьте мнѣ, и этого довольно,
И одою смѣню я эти строки.

II.

Смотрѣть на васъ и странно мнѣ и больно:
Жаль вашихъ взоровъ, пожекъ, ручекъ, плечекъ:
Скажите: кто вотъ этотъ человѣчекъ,
Что подлѣ васъ стоитъ самодовольно?

Во мнѣ вся кровь застынетъ вдругъ невольно,
Когда, при блескѣ двухъ вѣнчальныхъ свѣчекъ,
Онъ вамъ подастъ одно изъ двухъ колечекъ;
Тогда въ слезахъ молитесь богомольно.

Но я на васъ глядѣть тогда не стану,
А то, быть можетъ, сердце содрогнется.
Къ чему тревожить старую въ немъ рану?
А то изъ ней, быть можетъ, ядъ польется.
Мнѣ только легкой поступи и стану,
Да скрытности дивиться остается.

III.

Разсказывалъ я много глупыхъ сновъ,
На мой разсказъ такъ грустно улыбались;
Многозначительно при звукѣ странныхъ словъ
Ея глаза въ глаза мои вперялись.

И время шло — я сердцемъ былъ готовъ
Повѣрить счастьемъ. Скоро мы разстались
И я постигъ у дальнихъ береговъ,
Въ чемъ наши чувства нѣкогда встрѣчались.

Такъ слышитъ узникъ, блѣдный, присмирѣвъ,
Родной рѣки излучистый припѣвъ,
Пропѣтый вовсе чуждыми устами.
Онъ звука не проронитъ, хоть не ждетъ
Спасенія; но глубоко вздохнетъ,
Блеснувъ во мглѣ ожившими очами.

IV.

Владычица Сіона, предъ тобою
Во мгль моя лампада зажжена.
Все спитъ кругомъ — душа моя полна
Молитвою и сладкой тишиною.

Ты мнѣ близка.... Покорною душою
Молюсь за ту, кѣмъ жизнь моя ясна.
Дай ей цвѣсти, будь счастлива она —
Съ другимъ ли избраннымъ, одна, или со мною.

О нѣтъ! прости наитіе недуга!
Ты знаешь насъ: намъ суждено другъ друга
Взаимными молитвами спасать.
Такъ дай же силъ, простри святые руки,
Чтобъ ярче могъ, въ полночный часъ разлуки,
Я предъ тобою лампаду возжигать.

V.

МАДОННА.

Я не ропщу на трудный путь земной,
Я буйнаго не слушаю невѣжды;
Моимъ ушамъ понятенъ звукъ иной,
Моей душѣ пріятенъ гласъ надежды.

Съ тѣхъ поръ, какъ Санціо передо мной
Изобразилъ склоняющую вѣжды,
И этотъ ликъ, и этотъ взоръ святой,
Смиренныя и легкія одежды,

И это лоно матери, и въ немъ
Младенца съ яснымъ, радостнымъ челомъ,
Съ улыбкою къ Маріи наклонённой —
О! какъ душа стихаетъ вся до дна!
Какъ много ты съ святаго полотна
Мнѣ шлешь, мой Богъ, съ пречистою Мадонной!

VI.

МОСКВА

(изъ Кёрнера).

Какъ высокій церковей златыя главы,
Какъ царственно дворцы твои сіяютъ!
Со всѣхъ сторонъ глаза мои встрѣчаютъ
И гордый блескъ, и памятники славы.

Но часъ твой билъ, о городъ величавый!
Твои граждане руку поднимаютъ,
Трепещитъ огонь и факелы пылаютъ,
И ты стоишь въ горячей ризѣ лавы!

О, пусть тебя поносить изступленье!
Ломитесь башни, рухайтеся палаты!
То русскій фениксъ, пламенемъ объятый,
Горитъ въ камъ.... Но близко искупленье;
Уже подъ кликъ и общіе восторги
Копье побѣдъ поднимъ святой Георгій!

СОЛОВЕЙ И РОЗА.

Небесъ и землѣ повелитель,
Творецъ плодотворнаго міра
Даль счастье, даль радость всей твари
Цвѣтущихъ долинъ Кашемира.

И равны всѣ звенья предъ Вѣчнымъ
Въ цѣпи непрерывной творенья,
И жизненнымъ трепетомъ общимъ
Исполнены чудныя звенья.

Такая дрожащая бездна
Въ дыханьи полудня и ночи,
Что Ангелы въ страхъ закрыли
Крылами звездистыя очи.

Но тамъ же въ саду мірозданья,
Гдѣ радость и счастье-привычка,
Забыты, отвергнуты счастьемъ
Кустарникъ и сѣрая птичка.

Листовъ окаймленныхъ пилами,
Побѣговъ вращающихъ спицы
Минуютъ летучіе гости,
Чуждаются пѣвчія птицы.

Безгласная сѣрая птичка
Одна не пугается терній,
И любятъ другъ друга — но счастья
Ни въ утренній часъ, ни въ вечерній.

И по небу вѣки проходятъ,
Какъ волны безбрежнаго моря;
Никто не узнаетъ ихъ страсти,
Никто не увидитъ ихъ горя.

Однажды сіяющій Ангель,
Купаясь въ безднахъ эфира,
Узрѣлъ и кустарникъ и птичку
Въ долину ночной Кашемира.

И нежному Ангелу стало
Ихъ видѣть такъ грустно и больно,
Что съ неба слезу огневую
На нихъ уронилъ онъ невольно.

И къ утру свершилося чудо:
Краснѣя и млея сквозь слѣзы,
Склонилася къ вѣткѣ упругой
Головка душистая розы.

И къ ночи съ безгласною птичкой
Еще перемѣна чудеснѣй:
И листья и звѣзды трепещутъ
Ея упоительной пѣсней.

Онъ.

Рая вѣчнаго изгнанникъ,
Вешній гость я, пѣвчій странникъ;
Чужды ваши мнѣ цвѣты;
Страшны искры мнѣ мороза.
Другъ мой роза, дѣва роза,
Я бѣ не пѣлъ, когда бѣ не ты.

Она.

Полночь мать моя родная,
Незамѣтно разцвѣла я
На зарѣ весны;
Для тебя жъ у бѣдной розы
Аромать, краса и слѣзы,
Заревые сны.

Онъ.

Ты такъ нежна, какъ утреннія розы
Едва раскрывъ малиновый шипокъ;
Ты такъ свѣтла, что по неволѣ слезы
Туманять мнѣ внимательный зрачекъ;
Ты такъ чиста, что помыслы земные
Невольно мрутъ въ груди передъ тобой;
Ты такъ свята, что Ангелы святые
Зовутъ тебя ихъ смертною сестрой.

Она.

Мой другъ, мой братъ, мой милый, мой любовникъ!
На милую внимательнѣй взгляни:
За розу ты не принялъ ли шиповникъ,
Смирненное подобіе родни?
И если есть во мнѣ благоуханье,
Оно лишь тѣмъ коснется до тебя,
Что скромное, безвѣстное созданье,
Стремясь къ тебѣ, такъ предало себя.

Опѣ.

Ты роза долины, я ночи пѣвецъ,
И чувство въ насъ братское тоже;
Намъ мѣсяцъ кристальный готовить вѣнецъ,
А солнце пурпурное ложе.
Росою на пѣсни, на пѣсни росой
Дала отвѣчать намъ природа,
И наши всѣ звуки, всѣ блестки, какъ рой
Горять у небеснаго свода.
Тамъ Ангелъ лазурный, востока жилецъ,
Ихъ огненной метить рукою.
Ты роза долины, я ночи пѣвецъ;
Мы вѣчные братья съ тобою.

Она.

Ты поешь, когда дремлю я,
Я цвѣту — когда ты спишь;
Я горю безъ поцалуй,
Безъ отвѣта ты грустишь.

Но и радость и мученье
Мудро намъ судьба дала:
Ты не пѣлъ бы безъ стремленья,
Я бѣ безъ страсти не цвѣла.

Онъ.

На востокъ небо чисто,
Какъ сафиръ твоихъ очей;
Въ рощахъ пальмовыхъ тѣнисто,
Лунный лучъ дрожить теплѣй.
На востокъ есть у Бога
Заповѣдныя мѣста:
Сердцу снится та дорога —
Полетимъ съ тобой туда.
Ни фазановъ позлащенныхъ,
Ни павлиновъ не сомнемъ;
Ни плодовъ мы запрещенныхъ
Тихомолкомъ не сорвемъ.
Мы, какъ лотосъ, богомольно
Заглядимся въ ручеекъ....
Сердцу станетъ сладко, больно —
Полетимъ же на востокъ.

Она.

Мой милый, гдѣ сердце — тамъ грезы,
Гдѣ вѣра — тамъ царство весны;
Гдѣ очи — тамъ жаркія слезы,
Гдѣ думы — тамъ чудные сны....

Во снѣ мое спящее око
Небесный измѣрило кругъ,
Отъ запада вплоть до востока,
Узрѣло и сѣверъ и югъ....
Ни дна; только, въ безднѣ раждаясь,
Горять и сверкають ключи,
И, силою вѣчной вращаясь,
Дрожать золотые лучи;
И вся эта сила стремилась
Къ одной отдаленной звѣздѣ;
А я все молилась, молилась,
Чтобъ ты былъ мнѣ вѣрнѣ вездѣ.

Онъ.

Дѣва роза, доброй ночи!
Звѣзды въ небесахъ.
Двѣ звѣзды горять, какъ очи
Въ голубыхъ лучахъ;
Двѣ звѣзды горять привѣтно
Нынче, какъ вчера;
Сонъ подкрался незаметно....
Роза, спать пора!

Она.

Зацалую тебя, закачаю,
Но боюсь надъ тобой задремать:
На зарѣ лишь уснешь ты, я знаю,
Что всю ночь будешь пѣть ты опять.

Закрывается милое око,
Голова у меня на груди.
Вѣтеръ, вѣтеръ, мой вѣтеръ востока,
Не тревожь его сна, не буди.
Я сама не дышу, не ласкаю,
Только вѣжды закрыль ему сонъ,
И кудрями его не играю:
Все боюсь, не проснулся бы онъ.
Вѣтеръ, вѣтеръ лукавый, поди ты,
Я умью сама цаловать;
Я устами коснуся ланиты
И мой милый проснется опять.
Просыпайся жъ; заря потухаетъ:
Для пѣвца золотая пора.
Дѣва роза тихонько вздыхаетъ,
Отпуская тебя до утра.

Онъ.

Ахъ, опять къ ночному бдѣнью
Вышелъ звѣздный хоръ....
Эхо ждетъ заворить пѣнью....
Спалъ до этихъ поръ!
Вѣетъ вѣтеръ надъ дубровой,
Листикъ шелеститъ.
У меня въ тѣни лавровой
Дѣва роза спитъ.
Хорошо ль ей, сладко ль спится,
Я предъзнаю,

И звѣздамъ, что ей приснится,
Громко пропою.

Она.

Я дремлю, но слышать
Роза соловья;
Вѣтерокъ колышетъ
Сонную меня.
Звуки остаются
Всѣ въ моихъ листьяхъ;
Слышу — а проснуться
Не могу никакъ.
Заревы слезы,
Наклоняясь, лью.
Пой у сонной розы
Про любовь мою.

И во снѣ только любить и любить,
И отъ счастья плачетъ и спать!
Эти пѣсни она приголубить,
Если эхо о нихъ промолчить.
Эти пѣсни землѣ рассказали
Всѣ, что розѣ приснилось во снѣ,
И глубоко, глубоко запали
Ей въ румяное сердце онѣ.
И въ ночи подъ землею коренья
Влагу ночи сосутъ да сосутъ,

А у розы росой умиленья
Бриллиантами слезы текутъ.
Отъ чегожъ подь навѣсомъ прохлады
Раздается такъ голось пѣвца?
Роза! пѣсни не знаютъ преграды:
Безъ конца твои сны, безъ конца.

ЭЛЕГИ.

1.

О, долго буду я, въ молчаньи ночи тайной,
Коварный лепетъ твой, улыбку, взоръ случайной,
Перстамъ послушную волосъ густую прядь
Изъ мыслей изгонять, и снова призывать;
Дыша порывисто, одинъ, ни кѣмъ не зримый,
Досады и стыда румянами палимый,
Искать хотя одной загадочной черты
Въ словахъ, которыя произносила ты;
Шептать и поправлять былыя выраженья
Рвчей моихъ съ тобой, исполненныхъ смущенья,
И въ опьяненіи, наперекоръ уму,
Завѣтнымъ именемъ будить ночную тьму.

2.

Когда мои мечты за гранью прошлыхъ дней
Найдутъ тебя опять за дымкою туманной,
Я плачу сладостно, какъ первый Іудей
На рубежѣ земли обѣтованной.
Не жаль мнѣ дѣтскихъ игръ, не жаль мнѣ тихихъ сновъ,
Тобой такъ сладостно и больно возмущенныхъ
Въ тѣ дни, какъ постигалъ я первую любовь
По бунту чувствъ неугомонныхъ,
По сжатію руки, по отблеску очей,
Сопровождаемыхъ то вздохами, то смѣхомъ,

По восторгающей гармоніи рѣчей
Съ серебрянымъ и вѣчнымъ эхомъ....

5.

Когда мечтательно я преданъ тишинѣ
И вижу на небѣ корону ясной ночи,
Когда у заблещутъ въ вышинѣ
И сномъ у Аргуса начнутъ смыкаться очи,
И близокъ часъ уже условленный тобой,
И ожиданіе съ минутой возрастаетъ,
И я стою уже безумный и нѣмой,
И каждый звукъ ночный смущеннаго пугаетъ;
И нетерпѣніе сосѣтъ больную грудь,
И ты идешь одна украдкой, озираясь,
И я спышу въ лицо прекрасной заглянуть,
И вижу ясное — и тихо, улыбаясь,
Ты на слова любви мнѣ говоришь — люблю!
А я безсвязныя связать стараюсь рѣчи,
Дыханьемъ пламеннымъ дыханіе ловлю,
Цалую волоса душистыя и плечи,
И долго слушаю, какъ ты молчишь, и мнѣ
Ты руку подаешь сказавши: до свиданья!
О, другъ! какъ счастливъ я, какъ счастливъ я вполне!
Какъ жить мнѣ хочется до новаго свиданья!

4.

Помеди.... люди спать; медлительной царицей
Луна двурога обходить небеса;

Все медлить разойтись съ серебряной зарницей
И вѣтръ, и облака, и горы, и лѣса.
Я не пойду туда, гдѣ камень вѣроломный,
Скользя изъ-подъ паты съ отвѣсныхъ береговъ,
Летить на хрящъ морской; гдѣ въ морѣ валъ огромный
Придетъ и убежить въ объятія валовъ.
Тамъ вѣчный шумъ, тамъ нѣтъ неяснаго сознанья
Какой-то святости звездолубивыхъ думъ
И тихой радости, нѣмага созерцанья.
Я не пойду туда: тамъ моря вѣчный шумъ.

Б.

Странное чувство какое-то въ нѣсколько дней овладѣю
Тѣломъ моимъ и душой, цѣлымъ моимъ существомъ.
Радость и свѣтлая грусть благотворный покой и желанья
Дѣтскія, рѣзвыя, самъ даже понять не могу.
Вотъ хоть теперь посмотрю за окно на веселую зелень
Вешнихъ деревьевъ, да вдругъ вѣтеръ ко мнѣ донесѣтъ
Утренній запахъ цвѣтовъ, птичекъ звонкія пѣсни;
Такъ бы и бросился въ садъ, съ кликомъ: пойдемъ же, пойдемъ!
Да какъ взгляну на тебя, какъ усмась ты тамъ безмятежно
Подъ окошка, склоня иглы рѣсницъ на канву,
То ужъ не въ силахъ ни чѣмъ я шевельнуться, а только
Всю озираю тебя, всю — отъ пробора волосъ,
До перекладины плеча, гдѣ вольно, легко и уютно,
Складки раздвинувъ, прильнулъ маленькой ножки носокъ.
Жалко.... да нѣтъ—хорошо, что никто не видалъ, какъ взглянула
Ты на сестрицу, когда та приходила сюда

Куклу свою показать. Право, мнѣ кажется, всѣхъ бы
Васъ мнѣ хотѣлось обнять. Даже и братъ твой, шалунъ,
Что изучаетъ грамматику въ комнатѣ ближней, мнѣ дорогъ.
Можно ль такъ ложно его вещи учить понимать!
Какъ отворилися двери, разслушать я могъ, что учитель
Каждый отдѣльный глаголь пряталъ въ отдѣльный залогъ:
Онъ говорилъ, что любить есть дѣйствіе — не состоянье.
Нѣтъ, достохвальный мудрецъ, здѣсь ты не видишь ни зги,
Я говорю, что любить — состоянье, еще и какое!
Чудное, полное нѣгъ!... Дай Богъ намъ вѣчно любить!

6.

Виновать ли я, что долго мѣсяць
Простоялъ вчера надъ рощей темной,
Что подъ нимъ рѣка дрожала долго
Тамъ, гдѣ крылья пучилъ бѣлый лебедь.
Вѣдь не я зажегъ огни рыбацьи
Надъ водой, у самыхъ лодокъ черныхъ.
Виновать ли я, что до разсвѣта
Перепелокъ голосъ раздавался?
Но ты спишь.... О, подними рѣсницы!
Знаешь ли, я помню, помню живо —
Ты сама вѣдь любишь ночи: ночью
Это было — я спѣшилъ въ Ріальто.
Быстро весла ударили въ воду,
Гондольеръ мой пѣлъ; но эта пѣсня
Пронеслась, какъ многое проходитъ
Невозвратно; помню только это:

«Обожали пламенные Греки
Красоты богиню Афродиту
Въ пѣнѣ волнъ на раковинѣ ясной.
Какъ же глупы, просты эти Греки:
Передъ ними ты была въ гондолѣ.»
Знаешь ли, я самъ, когда ты дремешь,
Опустя недвижныя рѣсницы
И твоихъ волосъ густыя кудри
Недвижимы, руки выше локтя,
Обнажась, на складкахъ полотняныхъ
Такъ лежать, какъ будто съ мыслью тайной
Раскидалъ ихъ Фидій.
И гляжу я долго и не знаю,
На твоемъ блестящемъ свѣтомъ ликѣ
Рождена ль улыбка красотою;
Иль краса улыбку породила,
Знаешь ли?... Но, опустя рѣсницы,
Ты уснула.... Спи, моя богиня!

7.

Я знаю, гордая, ты любишь самовластье;
Тебя, въ ревнивомъ снѣ, томить чужое счастье;
Свободы смѣлый ликъ и томный взоръ любви
Манять наперерывъ желанія твои.
Чрезъ всю толпу рабовъ у пышной колесницы
Я взглядъ лукавый твой подъ бархатомъ рѣсницы
Давно прочелъ, давно, и знаю съ той поры,
Гдѣ жертву новую ты ищешь для игры.

Несчастный юноша, давнѡ, веселья полный,
Скользилъ его челнокъ расталкивая волны!
Смотри, какъ счастливъ онъ, какъ воленъ.... онъ ничей;
Лобзасть вѣтръ одинъ руно его кудрей.
Рука, окрыпнувши въ трудъ однообразномъ,
Минула ужъ бреговъ ухающимъ соблазномъ.
Но горе! ты поешь; на зыбкое стекло,
Изъ ослабѣвшихъ рукъ упущено весло;
Онъ скованъ — ты поешь, ты блещешь красотою
И пѣнишь темный понтъ зубчатой чешуею.

8.

Ея не знаетъ свѣтъ — она еще ребенокъ;
Но очеркъ головы у ней такъ чистъ и тонокъ,
И такъ подвиженъ склонъ ея округлыхъ плечъ,
Что дней недалекихъ грезъ у ней не устеречь.
Дохнетъ тепло любви, младенческое око
Лазурнымъ пламенемъ засвѣтится глубоко
И гребень, ласково разборчивъ, будто самъ
Пойдетъ медлительнѣй по пышнымъ волосамъ,
Персты румяные блѣднѣя подлиннѣютъ.
Блаженъ, кто замѣчалъ, какъ постепенно зрѣютъ
Златыя гроздія, и зналъ, что виноградъ
Сбирая, онъ вопьетъ ихъ сладкій аромать.

9.

Эхъ, шутка — молодость! какъ новый, ранній ситѣ,
Всегда и чистъ и свѣжъ. Царица тайныхъ нѣгъ,

Луна зеркальная, надъ древнею Москвою
Одну выводитъ ночь блестящій за другою.
Что, всѣ ли улеглись, уснули? Не пора ль?...
На сердцѣ жаръ любви и трепетъ и печаль!...
Бѣгу!... Далекія, какъ бы въ вознагражденье,
Шлютъ звѣзды въ инеѣ свое изображенье.
Въ сіяньи полночи безмолвенъ сонъ Кремля;
Подъ быстрою стопой промерзлая земля
Звучить и по крутой, хотя недавней стужѣ,
Доходитъ бой часовъ прерывистый и туже.
Бѣгу!... Тамъ пѣжная и трепетная та
Несетъ на поцалуй дрожащія уста,
Чье имя, близъ меня помянуто безъ цѣли,
Не дастъ мнѣ до зари забыться на постели;
Чей шорохъ медленный ужъ издали меня
Кидаетъ въ полъмя мгновенно изъ огня,
И чей глубокой взоръ, блистающій вниманьемъ,
Исполнилъ жизнь мою безумствомъ и страданьемъ.

10.

Лозы мои за окномъ разрослись живописно и даже
Свѣтъ отнимаютъ. Смотри, вотъ половица окна
Верхняя темною зеленью листьевъ покрыта; межъ ними,
Будто нарочно, въ окнѣ кисть начинаетъ желтѣть.
Милая! полно, не трогай!... Къ чему этотъ духъ разрушенья!
Ты доставать виноградъ высунешь руку на дворъ—
Бѣлую, полную ручку, легко распознаютъ сосѣди,
Скажутъ: она у него въ комнатѣ тайно была.

Тебѣ въ молчаніи я простираю руку,
И дѣтскихъ укоризнъ въ грядущемъ не страшусь.
Ты въ тайнѣ поняла души смѣшную мѹку,
Усталыхъ прихотей ты разгадала скуку. —
Мы вмѣстѣ — и судьбѣ я молча предаюсь.
Безъ клятвъ и клеветы ребячески-невинной
Сказала жизнь за насъ послѣдній приговоръ.
Мы оба молоды, но съ радостью старинной
Люблю на локонъ твой засматриваться длинной;
Люблю безмолвныхъ устъ и взоровъ разговоръ,
Какъ въ дни безумные, какъ въ пламенные годы
Мнѣ жизни міровой святыня дорогѧ;
Люблю безмолвіе полунощной природы;
Люблю ея лѣсовъ лепечущіе своды;
Люблю ея степей алмазные снѣга,
И снова мигъ легко, когда, святому звуку
Внимая не одинъ, я заживо дѣлюсь;
Когда, за честный бой съ тѣнями, взявъ поруку,
Тебѣ въ молчаніи я простираю руку
И дѣтскихъ укоризнъ въ грядущемъ не страшусь.

САКОНТАЛА.

1.

Саконтала — изъ всѣхъ царицъ, украшавшихъ индѣйскій
Тронъ, народу любезная, милая сердцу супруга
Мудраго государя Викрамы, встрѣчала однажды
Праздничный день своего рожденья общимъ весельемъ.
Радость кругомъ разлилась по чертогамъ и хижинамъ царства;
Только живѣй и пѣжиге ея раздавались звуки
Въ сердцѣ каждаго. Ликъ царицы былъ тихъ и прекрасенъ;
Око ея сіяло любезно и кротко, какъ солнце
Въ часъ вечерній, когда, сядя за дальнія горы,
Росу шлѣтъ и прохладу оно, долины и выси
Влагою съ высоты окропляя отрадой. Таковъ былъ
Ликъ Саконталы. Затѣмъ-то, съ дѣтскимъ смиреніемъ въ сердцѣ,
Жители Индіи взоръ къ своей несравненной царицѣ,
Полный любви, обращали и ей приносили посылы
Разнаго рода дары, растенья лучшія царства:
Благоуханный елей, золото и камни цвѣтные;
Благословенія ей другіе молили у Браммы.
Вотъ въ средину ликующихъ, тѣсною толпою стоящихъ
Около царскихъ воротъ, Браминъ выходитъ; корзинку
Несъ онъ въ рукахъ, изъ лозъ плетенную; край у корзинки
Мохоу простымъ былъ покрытъ. Придворные слуги, увидя
Старца, стоя въ переходахъ, другъ друга спрашивать стали:
«Знать Браминъ поприблизиться хочетъ сіяному престолу
Съ лозниковой корзинкою, полною мохоу кудрявымъ.»
Но Браминъ подошелъ свободно, поставилъ корзинку

Саконталя къ погамъ и сказала: «Видишь ли, наша
Добрая мать и владычица нашего царства, вотъ эти
Лозы корзинки и этотъ мохъ и цвѣты полевые
Дѣти долины на самой далекой границѣ обширной
Нашей земли, гдѣ стопы твои блуждали въ то время,
Какъ еще первая жизни весна предъ тобой улыбалась?»
Такъ Браминъ говорилъ и у ногъ Саконталы стояла
Съ мохомъ корзинка. Тогда царица взоръ обратила
На корзинку, на мохъ и цвѣты, что лежали въ корзинкѣ,
И съ престола она улыбнулась привѣтливо, нѣжно
Скромнымъ цвѣтамъ долины давно миновавшаго дѣтства.
Тихо Браминъ возвращался къ своей одинокой долинѣ
И казался роскошь полей для него превосходнѣй:
Онъ не могъ позабыть улыбки лица Саконталы.

2.

Саконтала, прекрасная, милая сердцу царица
Индіи, день своего рожденія встрѣчала молитвой
Тихою къ Брамѣ; война ужасная все государство
Опустошила, и царь индійскій, супругъ Саконталы,
Былъ въ дали отъ нея средь ужасовъ битвы кровавой;
Но еще болѣе то умножало горестъ царицы,
Что большая часть преданныхъ въ битвѣ погибли и много
Было такихъ, что забыли царскую милость, съ какою
Почестями онъ ихъ осыпалъ, и вдругъ показали
Неблагодарность и трусость сердецъ измѣной въ годину
Бѣдствія. Вотъ почему Саконтала въ тиши проливала
Слезы и день рожденія былъ ей дню смерти подобенъ.

Въ это время вошла одна изъ женщинъ служащихъ
Тихо къ печальной царицѣ и ей сказала: «Опять здѣсь
Тотъ Браминъ, что къ тебѣ приходилъ съ цвѣтами долины.»
Но Саконтала вздохнула, и ей отвѣчала: «Какъ могутъ
Быть отрадны цвѣты моему сокрушенному сердцу
Или служить украшеньемъ моей поблѣднѣвшей ланитѣ?
Все же, сказала потомъ царица добрая, старца
Ты введи, чтобы я изъ его приношенья сознала,
Какъ верна мнѣ въ печали любовь незлобивыхъ сердцемъ.»
Старый Браминъ вошелъ и сказалъ, главу наклоняя:
«Видишь ли, добрая мать и владычица нашего царства:
Горе твое и печаль тебя сердце не лишило
Жителей той долины, гдѣ ты блуждала въ то время,
Какъ еще первая жизни весна предъ тобой улыбалась.
Шаткаго счастья измѣна, любви и вѣрности узы
Не разрѣшаетъ; напротивъ, она ихъ прочтѣе связуетъ.
Только цвѣтовъ я тебѣ не принесъ: въ нашей долины
Стоптаны всѣ; но они разцвѣтутъ еще лучше, коль Брама
Послѣ бурь ниспошлетъ весны благодатной дыханье.
Я принесъ тебѣ даръ драгоценнѣйшій нашей долины —
Камень, которому въ Индїи равнаго нѣтъ красотою.»
Молча, полна удивленья, царица взглянула на старца;
Онъ же, рѣчь продолжая, сказалъ: «Тебѣ приносилъ я
Въ даръ цвѣты, когда на юномъ челѣ твоємъ радость
Разцвѣтала, ни чѣмъ не смущенная, по испытанье
Брама наслалъ на тебя; я вижу, что горе ланиты
Блѣдностію твои овѣяло; зналъ я, что будешь
День своего рожденья ты провожать со слезами.
Для прекрасныхъ душъ слезы небесная влага,
Отъ которой онѣ вполне разцвѣтаютъ. Такъ Брама

Освѣщаетъ своихъ любимцевъ. Вотъ почему я
Нынѣ къ тебѣ подхожу съ благороднѣйшимъ даромъ природы.»
Такъ Браминъ говорилъ и, полный почтенья, поставилъ
Чернаго дерева ящикъ къ ногамъ Саконтамы. Чудесно
Свѣтлый камень игралъ, отсюду охваченный чернымъ.
Тутъ склонила царица чело и взглянула на ящикъ
И на камень, своими лучами его наполнявшій,
И съ ланитъ у нея покатались прозрачныя слезы.
Тихо Браминъ возвращался къ своей одинокой долигѣ,
Медленно шель онъ и грустью отрадною полонъ былъ старецъ;
Все, казалось ему, онъ видитъ слезу Саконтамы.

5.

Грустенъ скитался Браминъ въ своей одинокой пустынѣ,
Помнилъ царицы-страдалицы тяжкое онъ испытанье;
Вдругъ опять поднялась война ужасная. Мощный
Истребитель, съ своей толпой необузданныхъ полчищъ,
Всталъ на западъ съ тѣмъ, чтобъ земли восточныхъ предѣловъ
Опустошить. И того, о чемъ, наругаясь, задумалъ
Онъ достигнуть, успѣлъ; но все населенье стонало.
Старецъ Брамъ день и ночь умолялъ за Викраму
Правосуднаго и за Саконталу царицу,
Сердцу любезную. Но тщетны были моленья,
И военная буря неслася грознымъ потокомъ
Къ самой долигѣ Брамина, и бичъ притѣснителя всюду
Жертвъ постигалъ. Тогда печальный Браминъ удался
Въ дикія горы, и жилъ между скалъ, чуждаясь встрѣтити
Ликъ человѣческій. Тяжкою скорбью исполнено было

Сердце старца, и смерти желанной алкаль онъ душею;
Но желанье его не исполнилось. — Много онъ прожилъ
Лѣтъ въ своемъ одиночествѣ между скалами пустыни;
Вдругъ кругомъ раздались вдали веселые звуки
Пѣсенъ побѣды и мира подъ рокоть трубы и кимвала.
Тутъ главою къ землѣ склонился старецъ въ молитвѣ
Всталъ, помазалъ главу и сказалъ: «Передъ смертію я долженъ
Правыхъ побѣду и ликъ царицы кроткой увидѣть.»
Тутъ наполнилъ Браминъ опять корзину цвѣтами
Самыми лучшими въ цѣлой долинѣ, и сверху прикрылъ ихъ
Пальмы и маслины тучной младыми побѣгами; тутъ
Вѣтвь положилъ благовонную пѣжно лепечущей мирты.
Скоро потомъ онъ къ престольному граду лицомъ обратился
И въ молчаньи пошелъ чрезъ толпы торжествующихъ гра-
жданъ.

Радостью ликъ засіялъ у старца, когда въ воротахъ онъ
Былъ дворцовыхъ. Отверзши уста, слугамъ онъ придвор-
нымъ

Сталъ говорить: «Ведите меня къ царицѣ, чтобъ могъ я
Жертву свою ей принести. Семь лѣтъ какъ не видѣлъ я міра.»
Слыша рѣчи такія, слуги взглянули на старца,
Смокли и стали плакать. Браминъ же спросилъ ихъ: «Чего вы
Плачете и отъ чего измѣнились такъ ваши лица?»
Слуги на это ему отвѣчали: «Иль ты не житель
Здѣшняго міра, когда одинъ ты не знаешь, что сталося?»
И на могилу царицы они повели его. «Видишь —
Такъ говорили они — въ ней сердце не вынесло горя.»
Больше они ничего сказать не могли и рыдали.
Тутъ у старца ликъ просіялъ и затеплилось око
Будто у юноши, къ небу онъ поднялъ чело и воскликнулъ:

«Развѣ не вижу я Браны жилища, не вижу сіянья
Вѣчнаго моря лучей, его окружающихъ блескомъ!
И Саконтала предъ нимъ на облакъ ранняго утра
Смотрить на насъ. Примиренной отчизны чистѣйшая жертва
Жрицею нынѣ она сіяетъ небеснаго міра.
Видишь ли ты, просвѣтлѣнная, я, какъ и прежде бывало,
Здѣсь предъ тобою стою съ моими зелеными цвѣтами?»
Тутъ умолкнулъ старецъ, склонясь на цвѣты и могилу.
Тихимъ повѣяло вѣтромъ и Брама пріялъ его душу.

ПОДРАЖАНІЕ ВОСТОЧНОМУ.

I.

Я люблю его жарко: онъ тигромъ въ бою
Нападаетъ на хищныхъ враговъ;
Я люблю въ немъ отраду, награду мою
И потомка великихъ отцевъ.

Кто бы ни былъ ты, страшикъ, простой иль купецъ,
Ни овцы, ни верблюда не тронь —
Отъ кобылъ Мугаммеда его жеребецъ,
Что небесный огонь этотъ конь.

Только мирный пришлецъ нагибайся въ шатеръ
И одежду дорожную скинь;
На услугу и ласку онъ ловокъ и скоръ;
Онъ бадья при колодцѣ пустынь.

Будто мѣсяцъ надъ кедромъ блѣдетъ чалма
У него средь далекихъ степей.
Я люблю и никто — ни Фатима сама —
Не любила пророка сильтѣй.

2.

ИЗЪ СААДИ.

Обремененный славой міра,
Сравняйся съ смоквою полей!
Она тѣмъ ниже гнется долу,
Чѣмъ смоквѣ обильнѣе на ней.

5.

ЯЗЫКЪ ЦВѢТОВЪ.

Мой пучекъ блестить росой
Какъ алмазами Калифъ мой,
Я давно хочу съ тобой
Говорить пахучей риемой.
Каждый цвѣтъ уже намекъ —
Ты поймешь мои признанья;
Можетъ быть, что весь пучекъ
Намъ откроетъ путь свиданья.

4.

Не дивись, что я черна,
Опаленная лучами;
Посмотри, какъ я стройна
Между старшими сестрами.

Оглянись: сошла вода,
Зимній дождь не хлещетъ болѣ;
На горахъ опять стада
И оратай вышелъ въ поле.

Розой горъ меня зови;
Ты красой моею ужалясь,
И цвѣту я для любви,
Для твоихъ опочивалень.

Цѣлый міръ пахнѣлъ весной,
Тайный жаръ владѣеть дѣвой;
Я прильну къ твоей десной,
Ты меня обнимешь лѣвой.

Я пройду къ тебѣ въ ночи
Незамѣтными путями;
Отопрись — и опочій
У меня между грудями.

I.

КЪ ОФЕЛИИ.

Какъ идетъ къ вамъ чепчикъ новой,
Какъ идетъ большая шаль!
Поздравляю васъ съ обновой,
А мнѣ все таки васъ жаль.
Какъ идетъ къ вамъ эта блѣдность,
Эта скрытая печаль,
Эта внутренняя бѣдность,
Мнѣ васъ жаль, да мнѣ васъ жаль.

II.

Не здѣсь ли ты легкою тѣнью,
Мой геній, мой ангелъ, мой другъ,
Бесѣдуешь тихо со мною
И тихо летаешь вокругъ?
И робкимъ даришь вдохновеньемъ,
И сладкій врачуешь недугъ,
И тихимъ даришь сновидѣнемъ,
Мой геній, мой ангелъ, мой другъ.
То вдругъ опечалишь ужасно,
То сердце обрадуешь вдругъ,
А все улыбаешься ясно,
Какъ геній, какъ ангелъ, какъ другъ.

III.

Сосна такъ темна, хоть и мѣсяцъ
Глядитъ между длинныхъ вѣтвей;

То клонить ко сну, то очнешься;
То мельница, то соловей,
То вѣтра нѣмое лобзанье,
То запахъ фіалки ночной,
То блескъ замороженной дали
И вихря полночного вой.
И сладко дремать мнѣ и грустно,
Что сномъ я надежду гублю.
Мой ангелъ, мой ангелъ далекій,
Зачѣмъ я такъ сильно люблю?

IV.

Какъ майскій голубоокій
Зефиръ — ты, мой другъ, хороша;
Моя жъ, что Элова арфа,
Чутка и послушна душа!
И струнъ у той арфы немного,
Но вѣчно подъ чувствомъ живымъ
Найдетъ она новые звуки
За новымъ дыханьемъ твоимъ.

V.

Я боленъ, Офелія, милый мой другъ!
Ни въ сердцѣ, ни въ окѣ нѣтъ силы.
О, спой мнѣ, какъ носится вѣтеръ вокругъ
Его одинокой могилы.
Душъ раздраженной и груди больной
Понятны и слезы и стоны.
Про иву, про иву зеленую спой,
Про иву сестры Дездемоны.

VI.

Офелія гблз и пѣла,
И пѣла сплеталъ вѣнки;
Съ цвѣтами, вѣнками и пѣснью
На дно опустила рѣки.
И многое съ пѣснями канетъ
Мнѣ въ душу на темное дно,
И много мнѣ чувства и пѣсенъ,
И слезъ и мечтаній дапо.

VII.

Какъ Ангелъ неба безмятежный,
Въ сіяньи тихаго огня,
Ты помолисъ душою нѣжной
И за себя и за меня.
Ты отъ меня любви словами
Сомнѣнья духа отжени
И сердце тихими крылами
Твоей молитвы осени.

АНТОЛОГИЧЕСКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ

1.

Греція.

Тамъ, подъ оливами, близь шумнаго каскада,
Гдѣ сочная трава унижена росой,
Гдѣ радостно кричитъ веселая цикада,
И роза южная гордится красотой;
Гдѣ храмъ оставленный подъялъ свой куполь бѣлый,
И по колоннамъ вверхъ кудрявый плющъ бѣжитъ —
Мнѣ грустно: міръ боговъ, теперь осиротѣлый,
Рука невѣжества забвеніемъ клеймитъ.
Вотще.... Въ полнѣчь, какъ соловей восточный
Свисталъ, а я бродилъ незримый за стѣной,
Я видѣлъ: Граціи собирались въ часъ урочный
Въ былой пріютъ заросшею тропой.
Но въ пляскахъ вѣтреныхъ богини не блитали
Молочной пѣной формъ, при золотой лунѣ,
Нѣтъ; — ставши въ тѣсный кругъ красавицы шептали:
«Эмада» — слышалось мнѣ часто въ тишинѣ.

2.

Когда пѣтухъ,
Ударивъ три раза
Крыломъ золотистымъ,
Протяжною пѣснью
Встрѣчаетъ зарю,
И ты, человекъ,

Вливаешь последнюю
Сладкую влагу
Сна на зарѣ;
Тогда поэтъ....
Нѣтъ! спи утомленный
Заботами дня
Земной страдалецъ!
Ты не поймешь,
Зачѣмъ я бодрствую
Въ таинственномъ храмѣ
Прохладной ночи.

Чу! слышу вздохъ
Ко мнѣ несется
Съ мягкаго ложа,
Гдѣ при серебряной
Лунѣ бывють
Младья ланиты,
Покрыты первымъ
Шелковымъ пухомъ,
И гдѣ въ безпорядкѣ
Разсыпаны кудри.
А! слышу, слышу,
Ты также не спишь,
Несчастный влюбленный!

Послушай, что нынѣ
Я слышалъ ночью
Отъ чадъ Сатурна:
Они мнѣ велѣли,

Въ земныхъ страданьяхъ,
Искать изцѣленья
У Вакха. Наполнимъ
Стаканы, — и оба
Заснемъ поутру,
Когда другіе
Пойдутъ трудиться.

3.

ВАКХАНКА.

Подъ тѣнью сладостной полуденнаго сада,
Въ широколиственномъ вѣнкѣ изъ винограда
И влаги Вакховой томительной полна,
Чтобъ духъ перевести замедлилась она.
Закинувъ голову съ улыбкой опьянѣнья,
Прохладнаго она искала дуновенья,
Какъ будто бы волосы ужъ начинали жечь
Горячимъ золотомъ ей розы пышныхъ плечъ,
Одежда жаркая все ниже опускалась
И молодая грудь все больше обнажалась,
А страстные глаза, слезой упоены,
Вращались медленно, желанія полны.

4.

ДІАНА.

Богини дѣвственной округлыя черты,
Во всемъ величїи блестящей наготы,
Я видѣлъ межъ деревь надъ ясными водами,
Съ продолговатыми, безцвѣтными очами,
Высоко поднялось открытое чело —
Его недвижностью вниманье облегло
И дѣвъ моленію въ тяжелыхъ мукахъ чрева
Внимала чуткая и каменная дѣва.
Зефиръ вечеровой между листовъ проникъ,
Качнулся на водѣ богини ясный ликъ;
Я ждалъ — она пойдетъ съ кочаномъ и стрѣлами,
Молочной близной мелькая межъ древами,
Взирать на сонный Римъ, на вѣчный славы градъ,
На желтоводный Тибръ, на группы колоннадъ,
На стогны длинныя! Но мраморъ недвижимой.
Бѣлыя передо мной красой непостижимой.

5.

Влажное ложе покинувши, Фебъ златокудрый направилъ
Быстрыхъ коней, Фаетонову гибель, за розовый Эось;
Круто напрягши бразды, онъ кругомъ озирался и тотчасъ
Бойкіе взоры его устремились на берегъ пустынный.
Тамъ воскурился туманъ благовошною жертвою; море
Тихо у желтыхъ песковъ почивало; разбитая лодка

Дномъ опрокинута вверхъ, половиной въ водѣ, половиной
Въ утреннемъ воздухѣ темной смолою чернѣла и тутъ же,
Въ лѣво, раскинуты были обломки еловые весель,
Кожаный щитъ и шоломъ опрокинутый полные тины.
Дальше, когда поразсѣялись сѣрыя волны тумана,
Онъ увидалъ на травѣ, подъ зеленымъ навѣсомъ каштана,
(Трижды его обѣжавши, лоза окружала кистями);
Юношу онъ на травѣ увидалъ: блѣдоснѣжные члены
Были раскинуты, правой рукою какъ будто тѣснилъ онъ
Грудь, и на ней-то прекрасное тѣло недвижно лежало,
Лѣвая навзничь упала и бѣлая формы на темной
Зелени травъ благовонныхъ во всей полнотѣ рисовались;
Весь былъ разодранъ хитонъ, округленные бедра болѣли
Будто бы мраморъ пріявшій изгибы отъ рукъ Праксителя,
Ноги казали свои покровенныя прахомъ подошвы,
Свѣтлыя кудри чела упали на грудь, осѣняя
Мертвую силу лица и глубоко смертельную язву.

6.

КУСОКЪ МРАМОРА.

Тщетно блуждаетъ мой взоръ измѣряя твой начатый мраморъ;
Тщетно пытливая мысль хочетъ загадку рѣшить:
Что одѣваетъ кора грубо изрубленной массы?
Ясное ль Тита чело, Фавна ль измѣнчивый ликъ,
Змѣй примирителя, жезлъ, крылья и станъ быстроногій,
Или стыдливости дѣвъ съ тонкимъ перстомъ на устахъ?

7.

Съ корзиной, полною цвѣтовъ на головѣ,
Изъ сумрака аллеи она на свѣтъ ступила
И побѣжала тѣнь за ней по муравь
И полъ-лица ей тѣнь корзины остѣнила;
Но и подъ тѣнію увидишь ты какъ разъ
Примѣты южнаго созданья безъ ошибки,
По свѣтлому зрачку неотразимыхъ глазъ,
По откровенности младенческой улыбки.

8.

ПОДРАЖАНІЕ ХУІ ИДИЛИ БЮНА.

Прекрасная звѣзда Венеры свѣтлоокой,
Пока свое чело за рощею далекой
Діана нежная скрываетъ, освети
Кустарникъ тотъ и холмъ для моего пути.
Я оставляю кровъ не для ночныхъ хищеній,
На спутниковъ въ душѣ не крою покушеній...
Нѣтъ, я люблю и жду возмездія заботъ
Отъ нимфы молодой, красы между красотъ.
Какъ въ миріадѣ звѣздъ Діаной предводимой
Краса ночныхъ небесъ горитъ твой лучъ любимой.

НЕПТУНУ.

Птицей,
Быстро парящей птицей Зевеса,
Быть мнѣ судьбою дано всеобъемлющей.
Нынѣ, крылья раскинувъ надъ бездною
Тверди, нынѣ надъ высью я
Горной, тамъ, гдѣ у ногъ моихъ
Воды,
Вѣчно несущія бѣлую пѣну,
Стонуть и старый трезубецъ Нептуна
Въ темныхъ рукахъ повелителя строгаго блещетъ,
Нѣтъ предѣловъ
Къ верху, и нѣтъ предѣловъ
Къ низу —
Здравствуй!
На половиномъ пути
Къ вѣчности, здравствуй Нептунъ: надъ собою
Слышишь ли шумныя крылья и вѣтеръ,
Спертый нагрудными сизыми перьями, здравствуй!
Нѣтъ мгновенья покою;
Вслѣдъ за тобою летящая
Феба стрѣла, я вижу, стоитъ
Съ визгомъ перья поджавши въ эфирѣ,
Ты промчался, пронесся, мелькнулъ и сокрылся,
А я!
Здравствуй Нептунъ!
Слышишь ли, братъ, надъ собою

Шумный полетъ? — Я принесъ
Съ жаркой, далекой земли,
Кровью упитанной,
Трунами тучной,
Лавромъ шумящей,
Мой привѣтъ тебѣ: здравствуй Нептунъ!
Вѣчно, вѣчно,
Какъ бы ни мчался ты, братъ мой,
Крылья мои зашумятъ и орлиный
Голосъ къ тебѣ зазвучитъ по Эфиру:
Здравствуй Нептунъ!

10.

ВОДОПАДЪ.

Тамъ, какъ сраженный
Титанъ, простерся
Между скалами,
Обросшій мохомъ,
Съдой гранить
И заперъ пропасть;
Но съ дикой страстью
Стремится въ бездну
Черезъ препоны
Потокъ гремящій,
И мечетъ жемчугъ
Шипучей пѣны
На черный брегъ.

Смотри, какъ быстро
Несется вѣтка
Къ кипучей безднѣ,
Какъ струйка сильно
Ее кидаетъ
Съ прозрачной мели
На острый камень.
Мелькнула! — Полно!
Изъ черной бездны
Возрата нѣтъ.
Слѣжу глазами
За быстрымъ токомъ.
Какъ прismaticъ онъ
Тамъ въ отдаленнѣ,
Какъ будто небо,
Въ немъ хочеть видѣть
Свою красу.
Смотри: — та вѣтка,
Что тамъ исчезла
Въ пучинѣ лютѣй,
Плыветъ такъ тихо,
Такъ безмятежно
По вѣчной влагѣ.

11.

АРХИЛОХЪ.

Здѣсь Архилохъ опочилъ; его въ безпощадные ямбы
Ринула Муза — пѣвцу Іоніи сладостный другъ.

12.

ИЗЪ КАТУЛЛА.

Давай любить и жить, о Лезбія, со мной!
За толки стариковъ угрюмыхъ, мы съ тобой,
За всѣ ихъ не дадимъ одной монеты мѣдной.
Пускай свѣтаетъ день и меркнетъ тѣню блѣдной:
Для насъ, когда заря зайдетъ за небосклонъ,
Настанетъ ночь одна и безконечный сонъ —
Сто разъ цалуй тогда и тысячу и снова
До новой тысячи и вновь до ста другова,
Опять да новыхъ сотъ, до тысячи опять.
Когда же много намъ придется насчитать,
Смѣшаемъ счетъ тогда, чтобъ мы его не знали,
Чтобъ злые намъ съ тобой завидовать не стали,
Узнавъ, какъ много разъ тебя я цѣловалъ.

13.

КЪ ЮНОШЬ.

Друзья, какъ онъ хорошъ за чашею вина,
Какъ молодой души неопытность видна!
Его шестнадцать лѣтъ, его живые взоры,
Ласкы нѣжныя, заносчивые споры,
Порывы дружелюбья, негодованье, гнѣвъ —
Все общается въ немъ любимца зоркихъ дѣвъ.

14.

ЗАСТОЛЬНАЯ ПѢСНЯ.

Фіалъ кипить янтарной Иппокреной,
Душа горить и силится во мнѣ
Залить въ груди огонь жемчужной пѣной.
Но что забыть? что вспомнить при вигѣ?

Красавица съ коварною душою!
Ты божествомъ забытый пышный храмъ!
И вы, друзья, съ притворною слезою!
И вы, враги, съ презрѣнной клеветой!
Забвенье вамъ!

И вы мечты, которыми прельщался,
И ты судьба, противница мечтамъ,

Довольно я страдать и заблуждался,
Надвяся, слезами обливался....

Забвенье вамъ!

Ты дѣвы грудь, вы кудри золотыя,
Ты Граціи художественный ростъ,
Вы ямочки и щечки огневныя,
Ты тыль рѣсницъ, вы глазки голубые....

Вамъ первый тостъ!

И вы друзья святаго вдохновенья,
Съ мечтательной и нѣжною душой,
Вы полные къ прекрасному стремленья,
Съ тоской души, съ улыбкой умиленья....

Вамъ тостъ второй!

И вы, друзья, съ зелеными вѣнками,
И съ хохотомъ въ досужный Вакха часъ,
Похмѣлья Геній носятъ надъ вами! —
Поднимемъ кубки дружными руками....

Я пью за васъ!

Фіалъ кипить янтарной Иппокреной,
И что души тревожило покой,
Все умерло въ груди воспламененной,
Все милое воскресло предо мной!

Питомецъ радости, покорный наслажденью,
Зачѣмъ, коварный другъ, не внемля приглашенью,
Нашъ пиръ вечеровой вчера не постыгъ?
Хозяинъ ласковый къ обѣду пригласилъ
Въ бесѣдку, гдѣ кругомъ, не заслоня сада,
Полувоздушная обстала колоннада.
Діана полная, глядя между вѣтвей,
Благословляла столъ улыбкою своей
И яства жирныя съ ихъ паромъ благовошнымъ,
Отрадно лакомымъ — гулякамъ утонченнымъ.
И отчихъ кладовыхъ старинное добро,
Широкодонныхъ чашъ литое серебро;
А вѣтеръ заревой, по фитилямъ порхая,
Качалъ слегка огни, намъ лица освѣжая.
За чѣмъ ты не сидѣть межъ нами у стола?
Тутъ въ розовомъ вѣнкѣ и Лидія была,
И Пирра смуглая, и Цинтія живая,
И ученица музъ Неэра молодая,
Какъ Сафо страстная, пугливая какъ лань....
О другъ! я чувствую, я заплачу ей дань
Любви Проперція тоскливой, безъотрадной;
Я наливалъ вчера рукою безпощадной;
Но вспоминалъ тебя, и знаю, въ полъяна
Мѣшалъ въ заздравіяхъ я ваши имена.

16.

Въ златомъ сіяній лампы полусонной
И, отворя окно въ мой садикъ благовоинной,
То прохлаждаемый, то въ сладостномъ жару,
Слѣдилъ я легкую кудрей ея игру:
Дыханьемъ полночи ихъ тихо волновало
И съ милаго чела красиво отдувало....
Дивился молча я волшебной красотѣ,
А мѣсяцъ медленно кѣтился въ высотѣ.

17.

Уснуло озеро; безмолвенъ черный лѣсъ;
Русалка бѣлая небрежно выплываетъ;
Какъ лебедь молодой, луна среди небесъ
Скользитъ и двойника на влагъ созерцаетъ.
Уснули рыбаки у сонныхъ огоньковъ;
Вѣтрило блѣдное не шевельнѣтъ ни складкой;
Лишь карпія, порой, плеснетъ у тростниковъ,
Оставя рѣзвый кругъ сребра на влагъ гладкой.
Какъ тихо.... Каждый звукъ и шорохъ слышу я;
Но звуки тишины ночной не прерываютъ.
Пускай живая трель ярка у соловья,
Пусть шильникъ водяной русалки колыхаютъ.

18.

ИЗЪ АПАКРЕОНА.

Сядь Ваѳилъ въ тѣни отрадной,
Здѣсь подъ деревомъ красивымъ;
Посмотри, до тонкой вѣтки,
Каждый пѣжный листъ трепещеть.
Мимо съ сладостнымъ журчаньемъ
Пробирается источникъ.
Кто такое ложе лѣни
Увидавши проминуешь?

19.

Многимъ богамъ въ тишинѣ я оиміамъ воскурлю,
Въ помощь не рѣдко съ мольбой многихъ героевъ зову;
Жертвую Музамъ, Дріадамъ, Нимфамъ рѣчистымъ и даже
Глутому Фавну весной первенца стадь берегу.
Пѣсня же первая Вакху, мудрому сыну Семелы.
Ты, Діонисій въ вѣикъ, грозный владыка ума,
Всѣхъ доступнѣй моимъ мольбамъ и моимъ возліяньямъ,
Ты за утраты мои полной мнѣ чашей воздай....
Гдѣ недоступная дѣва, моихъ помышленій царица?
Въ мраморахъ Фидій своихъ равной не зрѣлъ никогда.
Я же сходнаго съ ней не зналъ созданья, — и что же?
Тирсу покорный, и ей клялся пожертвовать я.
Ждалъ я, безумный, забыться въ дыму и въ чаду приношеній
Новый Калхасъ уже мечъ дерзкой рукой заносилъ;

Мать природа вотще зывала какъ мать Клитемнестра.
Мигъ еще, мигъ — и тебѣ все бы принесъ я Ліей.
Мнѣ уже чудился плескъ волнъ забвенія въ барку;
Только заступница дѣвъ, дѣву чудесно спасла.
Дивно свѣтла предо мной Ифигенія къ небу восходить,
Я же коленною тугимъ въ бокъ упираю козла.

КЪ КРАСАВЦУ.

Природы баловень, какъ счастливъ ты судьбой!
Всѣмъ нравятся твой ростъ и гордый обликъ твой,
И кудри пышныя безпечною завиты,
И блѣдное чело, и нѣжныя ланиты,
Приподнятая грудь, жемчужной рядъ зубовъ,
И огненный зрачекъ, и бархатная бровь;
А дѣвы юныя, украдкой отъ надзора,
Толкуютъ твой отвѣтъ и выраженіе взора,
И послѣ каждая, вздохнувъ наединѣ,
Промолвить: да! онъ мой — его отдайте мнѣ!
Какъ сонъ младенчества, какъ первое лобзанье,
Съ отрадой сладкою безумнаго желанья,
Ты, полонъ прелести, въ ихъ памяти живешь
И гребню въ ихъ рукахъ искусство придаешь;

Не для тебя ль онъ, съ улыбкою Авроры,
Находятъ новый взглядъ и новые уборы?
Когда же ложе ихъ одѣнетъ темнота,
Алкають устъ твоихъ раскрывшись ихъ уста.

РАЗНЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

1.

Эти думы, эти грезы
Безначальное кольцо
И текутъ ручьями слезы
На горячее лицо.
Сердце хочетъ, сердце просить,
Слезы льются въ два ручья,
Далеко меня уносить,
А куда — не знаю я.
Не могу унять стремленье,
Я не въ силахъ не желать:
Эти грезы — наслажденье!
Эти слезы — благодать!

2.

ХАНДРА.

(1).

Непогода — осень — куришь,
Куришь — все какъ будто мало.
Хоть читалъ бы, только чтенье
Подвигается такъ вяло;
Сѣрый день ползетъ лѣниво,
И болтають нестерпимо

*

На стѣнѣ часы стѣнные
Языкомъ неутомимо;
Сердце стынеть по немногу
И у жаркаго камина
Лезетъ въ голову большую
Все такая чертовщина!
Надъ дымящимся стаканомъ
Остывающаго чаю.
Слава Богу! по немногу,
Будто вечеръ, засыпаю....
Но болѣзненно-тревожна
Принужденная дремота.
Точно въ комнатѣ сосѣдней
Учатъ азбукъ кого-то,
Или, кто ихъ знаетъ? гдѣ-то,
Въ кабинетъ или въ залъ,
Съ пискомъ, визгомъ, пляшутъ крысы
Въ худо-запертомъ роялѣ.

(2 .)

Не ворчи, мой котъ мурлыка,
Въ неподвижномъ полуснѣ;
Безъ тебя темно и дико
Въ нашей сторонѣ;
Безъ тебя все та же печка,
Тѣ же окна, какъ вчера;
Тѣ же двери, та же свѣчка
И опять хандра....

У сосѣда ненарокомъ
Я сказалъ ей слова три
О прекрасномъ, о высокомъ —
Скука хоть умри!
Неотвязчивая вьюга
Разыгралася въ трубъ....
Отъ двоякаго недуга
Такъ не по себѣ.
Не ворчи же, котъ мурлыка,
Въ неподвижномъ полуснѣ;
Безъ тебя темно и дико
Въ нашей сторонѣ.

(5)

Другъ мой! я сегодня боленъ;
Знать повѣтріе такое....
Право, я въ себѣ неволенъ,
Не найдусь никакъ въ покоѣ....
Не ошибся я въ надеждѣ:
Ты умна и молчалива,
Ты все та же, что и прежде:
И добра и горделива.
На дворѣ у насъ ненастье,
На дворѣ гулять опасно.
Дай мнѣ руку, дай на счастье....
У тебя тепло и ясно.
Ахъ, давно-ли у тебя я,—
Такъ безпечно, такъ лѣниво,—

Все на свѣтъ забывая,
Быль покорень молчаливо.
А теперь зачѣмъ въ углу томъ,
За широкою гардиной...
Вонъ, вонъ тотъ, что смотритъ плутомъ,
Съ черной мордою козлиной.
Не могу не ненавидѣть
Этихъ глазъ въ досадной рожѣ!
Право, скучно, грустно видѣть
Каждый день одно и тоже.
Понимаю эти ласки,
Взоръ печали безпредѣльной.
Нѣтъ ли, другъ мой, нѣтъ ли сказки,
Нѣтъ ли пѣсни колыбельной,
Чтобы пѣсню смягчалось
То, что въ сказкѣ растревожить;
Чтобы сердце хоть пугалось,
Коль любить оно не можетъ.

5.

На водахъ Гвадалквивира
Мѣсяць длинной полосой;
Отъ незримыхъ устъ зефира
Влага блещетъ чешуей.
Все уснуло.... лишь мгновенной
Меркнетъ лучъ во тѣмѣ окна,
Да гитарой отдаленной
Тишина потрясена.

Да звѣзда съ высотъ ээира
Раскатилася дугой....
На водахъ Гвадалквивира
Мѣсяць длинной полосой....

4.

ВЕНЕЦІЯ НОЧЬЮ.

Всплески волнъ сверкають ярко,
Ударяя о гранить;
Дремлетъ левъ святаго Марка
И царица моря спить.

По каналамъ посребрѣннымъ
Опрокинулись дворцы
И блестять весломъ безсоннымъ
Запоздалые гребцы.

Звѣздъ сіяють мириады,
Чутко въ воздухъ ночномъ;
Осребренные громады
Вѣковымъ уснули сномъ.

5.

Подъѣйся живыми снами,
Говори душѣ моеѣ;
Что не выскажешь словами,
Звукомъ на душу навѣй.

6.

ВЕСНА.

Ужъ верба вся пушистая
Раскинулась кругомъ;
Опять весна душистая
Повѣяла крыломъ.
Станицей тучки носятъся,
Тепло озарены,
И въ душу мощно просятся
Блистательные сны.
Вездѣ разнообразною
Картиной занять взглядъ,
Шумить толпою праздною
Народъ — чему-то радъ.
Дитя тысячеглавое
Не знаетъ онъ, что въ немъ
Привѣтно-величавое
Зажглось святымъ огнемъ;

Что жизни тайной жаждою
Невольно жизнь полна;
Что надъ душою каждою
Проносится весна.

7.

ПОСВЯЩЕНИЕ КЪ ФАУСТУ.

(Г—ву).

Вы вновь ко мнѣ, воздушныя видѣнья!
Давно знакомъ печальный съ вами взоръ!
Иль сердце къ вамъ полно опять стремленья,
Иль грудь хранить безуміе съ тѣхъ поръ?
Вы принесли! Я полонъ умиленья;
Въ туманной мглѣ приветствую вашъ хоръ!
Трепещетъ грудь младенческими снами
Отъ волшебства, навѣяннаго вами.
Вы обновили свѣтлыхъ лѣтъ картину,
И много милыхъ ожило тѣней.
Подобно сагѣ, смолкшей вполонину,
Звучать любовь и дружба прежнихъ дней.
И больно мнѣ, — давнишнюю кручину
Несетъ мнѣ жизнь со всѣхъ своихъ путей,
И кличетъ тѣхъ, которыхъ въ мигъ участья
И унесло и обмануло счастье.
Имъ не слышать послѣдующихъ пѣсенъ
Всѣмъ тѣмъ, кому я первая пѣваль.

Кружокъ привѣтный избранныхъ сталъ тѣснѣ
И отголосокъ первый отзвучалъ.
Кому пою, тотъ кругъ мнѣ не извѣстенъ,
Его привѣтъ мнѣ сердце запугалъ;
А тѣ, чей слухъ мою и любить лиру,
Хотя въ живыхъ, разсыяны по міру.
И вновь во мнѣ отвычное стремленье
Въ тотъ кроткій міръ къ задумчивымъ духамъ,
Неясное подъемию пѣснопѣнье
Подобное эоловымъ струнамъ,
Проснулось въ строгомъ сердцѣ умиленье,
Невольно слезы слѣдуютъ слезамъ;
Все, чѣмъ владѣю, кажется мнѣ лживо,
А чтò прошло—передо мною живо.

8.

ДОБРЫЙ ДЕНЬ.

Вотъ снова ночь съ своей тоской безонной
Дрожить при блескѣ дня;
Съ улыбкою мой демонъ искущеннѣй
Взираетъ на меня.
Онъ видитъ все—улыбку, вздохъ и слезы.
Пусть онъ ихъ видитъ — пусть!
Давнымъ давно безсонницу и грезы
Онъ знаетъ наизусть.
Пускай весна нарядъ свой пестрый кажетъ
И я вокругъ гляжу;

Онъ знаетъ все, что сердце твари скажетъ,
Что людямъ я скажу.
Ему смѣшно, что напередъ онъ знаетъ,
Чѣмъ дума занята,
Что ясно такъ и внятно, онъ читаетъ
По книгѣ живота.
Какъ мраморный, блестящій и холодной,
Мой прорицатель дня,
Съ улыбкой злой и-гордо благородной
Онъ смотреть на меня.

9.

КЪ КАРТИНѢ.

Не говори, что счастливъ я,
Что я хорошъ собой,
Что Богъ благословилъ меня
Прекрасною женой.

Не говори, что жизнь сулить
Мнѣ счастье впереди,
Что крошка сынъ нашъ тихо спитъ,
Прильнувъ къ родной груди.

Напрасныхъ словъ не расточай:
Не нуженъ мой отвѣтъ.
Взгляни въ глаза и отвѣчай:
Что счастливъ я или нѣтъ?

Скажи, ты видишь по глазамъ,
По сердцу ль мнѣ покой?
Иль можетъ быть я жизнь отдамъ,
Помѣряться съ судьбой.

Отдамъ, что было мнѣ дано
Блаженства и тоски
За взглядъ, улыбку — за одно
Пожатіе руки.

10.

КУРГАНЪ.

Другъ вѣковъ, повѣренный преданій,
Ты одинъ средь братіи своей
Сохранилъ сокровищъ и дѣяній
Вѣковую тайну отъ людей.

Что же дубъ съ кудрявой головою
Не возвращень твой подвигъ отмѣчать
И не свѣтитъ въ сумракъ надъ тобою
Огонекъ — избранія печать.

Какъ на всѣхъ, орелъ съ неизмѣримой
На тебя слетаетъ высоты
И срѣзаетъ плугъ неумолимой
Всѣхъ примѣтъ послѣдніе слѣды.

Чтожъ ты дремлешь, силой чудотворной?
Возрости темно-кудрявый дубъ,
Сокруши о камень непокорный
Злаго плуга неотвязный зубъ.

Оттого-то, странникъ безпримѣтный,
На степи я вѣчно здѣсь молчу,
Что навѣкъ въ груди мой кладъ заветный
Ото всѣхъ я затаить хочу.

11.

Полно спать: тебѣ двѣ розы
Я принесъ съ разсвѣтомъ дня.
Сквозь серебряныя слезы
Ярче нѣга ихъ огня.

Дрожь въ рукахъ твои угрозы
Помню я; но дремлешь ты,
И роняютъ тихо слезы
Ароматные цвѣты.

12.

Ты говоришь мнѣ: прости!
Я говорю: до свиданья!

Ты говоришь: не грусти!
Я замышляю признанья.

Дивный былъ вечеръ вчера!
Долго онъ будетъ въ поминѣ;
Всѣмъ — только намъ не пора:
Пламя блѣднѣетъ въ каминѣ.

Что же, къ чему этотъ взглядъ?
Гдѣ жъ мой язвительный холодъ?
Грусти твоей ли я радъ?
Знать я надмененъ и молодъ.

Чтожъ ты вздохнула? — цвѣсти
Цѣль вѣковая созданья;
Ты говоришь мнѣ: прости!
Я говорю: до свиданья!

ТУЧКА.

15.

Тучка челнъ-небесъ волною
Обданная паромъ,
Между мною и луною
Ты плывешь не даромъ:
Отъ луны твой свѣтъ, что ставить
Тронъ полночный Богу;
Отъ меня жъ возьми, что давить
Думу и тревогу.

Спитъ она — тяжелой битвой
Думъ не возмутима;
Ты жъ надъ ней съ моею молитвой
Пронесися мимо.

14.

СВОБОДА И НЕВОЛЯ.

Видишь, мы теперь свободны.
Вѣдь одно свобода съ платой
Мы за каждый мигъ блаженства
Жизни отдали утратой.

Что жъ не вижу я улыбки?
Иль сильнѣй всего привычка?
Или ты теперь изъ кѣтки
Поздно пущенная птичка?

Птичка радость, другъ мой птичка,
Разлюби иную долю!
Видишь, я отверзъ объятья:
Полети ко мнѣ въ неволю.

15.

Сядь у моря — жди погоды.

Отъ чего жъ не ждать?

Будто воды наши годы

Стануть прибывать.

Поразвѣтъ пыль горячій,

Проминетъ бѣда

И подъ камень подъ лежащій

Потечетъ вода.

И отступится кручина,

Что свекровь стара;

Накидаетъ мнѣ пучина

Всякаго добра.

Будто воды наши годы

Стануть прибывать.

Сядь у моря, жди погоды;

Отъ чего жъ не ждать?

16.

Б. МЪ

при полученіи цвѣтовъ и нотъ.

Откуда вдругъ въ смиренный уголь мой

Двоякой роскоши избытокъ,

Прекрасный даръ, неожиданный и двойной,

Цвѣты и пѣсни дивной свитокъ?

Мой жадный взоръ къ чертамъ его приникъ.

Внемлю живительному звуку

И узнаю подъ бархатомъ гвоздикъ

Благоухающую руку.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПѢСНЯ.

Сердце — незабудка!
Угломъ возьми,
Хоть на мигъ разсудка
Голосу вонми.
Радъ принять душою
Всю болѣзнь твою!
Спи, Господь съ тобою,
Баюшки — баю!

Не касайся къ ранѣ:
Станетъ подживать!
Не тоскуй по нянѣ,
Что ушла гулять;
Это только шутка:
Няню жди свою.
Засыпай малютка,
Баюшки — баю!

А не то другая
Нянюшка прійдетъ,
Сядетъ молодая,
Пѣсни запоетъ:
»Посмотри, родное,
»На красу мою,
»Да усни въ покоѣ.
»Баюшки — баю!»

Чтожъ ты повернулось?

Старой няни жаль!

Знать опять проснулась

Старая печаль?

Знать пуста скамейка,

Даромъ что пою:

Что жъ она, злодѣйка?

Баюшки—баю!

Подожди, вотъ къ лѣту

Станешь подростать,

Колыбелку эту

Надо промѣнять.

Я кровать большую

Дамъ тебѣ свою

И свѣчу задую.

Баюшки — баю!

И долга кроватка,

И безъ няни въ ней

Спится сладко — сладко,

До скончанья дней.

Перестанешь биться

И на вѣкъ въ раю,

Только будетъ сниться

Баюшки — баю!

18.

Я зналъ ее мапоткою кудрявой,
Голубоглазой дѣвочкой; она,
Казалось, вся изъ рѣвности лукавой
И скромности румяной сложена.
И въ тѣ лѣта какой-то кругъ влеченья
Быль у нея, и звалъ ее ласкать;
На ней лежалъ отъенокъ предпочтенья
И женскаго служенія печать.
Я зналъ ее красавицей; горели
Ея глаза священной тишиной.
Какъ свѣтлый день, какъ ясный звукъ свирли
Она неслась надъ грѣшною землею.
Я зналъ его — и какъ она любила,
Какъ искренно предъ нимъ она цвѣла,
Какъ много слезъ она ему дарила,
Какъ много счастья въ душу пролила!
Я видѣлъ часть ея благословенья,
Дѣтей въ слезахъ, покинувшую мать;
На ней лежалъ отъенокъ предпочтенья
И женскаго служенія печать.

19

Еще весна — какъ будто не земной
Какой-то духъ ночнымъ владѣетъ садомъ.
Иду я молча, — медленно и рядомъ.
Мой темный профиль движется со мной.

Полуодѣвшись, вѣтви предають
Лазурь небесъ—туманъ подернулъ траву,
А я иду и радъ святому праву
Ходить—иду, и соловьи поють.

Несбыточное грезится опять,
Несбыточное въ нашемъ бѣдномъ мірѣ,
И грудь вздыхаетъ радостнѣй и ширѣ,
И вновь кого-то хочется обнять.

А будетъ время снова искупить
Весна природу будетъ торопиться;
Но это сердце перестанетъ биться
И ни чего не будетъ ужъ любить.

20.

ЛИХОРАДКА.

Няня, что-то все не сладко!
Дай-ка сахаръ мнѣ да ромъ:
Все какъ будто лихорадка,
Точно холоденъ нашъ домъ.

Ахъ! родимой—Богъ съ тобою,
Подойти нельзя къ печамъ.
При себѣ всегда закрою,
Топимъ жарко — знаешь самъ.

Ты бы шторку опустила....
Дай-ка книгу.... Не хочу,
Ты намѣдни говорила,
Лихорадка.... я шучу....

Что за шутка съ позаранокъ!
Ужъ повѣрь моимъ словамъ:
Сёстры девять лихоманокъ
Часто ходятъ по ночамъ.

Вишь нелегкая ихъ носить
Сонныхъ въ губы цѣловать!
Всякой болѣсти напросить
И поидеть тебя трепать.

Вѣрю, няня!... Нѣтъ-ли шубы...
Хоть всего не помню сна,
Цѣловала крѣпко въ губы —
Лихорадка ли она?

21.

О, не зови! страстей твоихъ такъ звонокъ
Родной языкъ.
Ему внимать и плакать, какъ ребенокъ,
Я такъ привыкъ.
Передо мной дай волю сердцу биться
И не лукавь,

Я знаю край, гдѣ все, что можетъ сниться,
Трепещеть въ явь.

Скажи, не я-ль на первыя воззванья,
Страстей въ отвѣтъ,

Искаль блаженствъ, которымъ нѣтъ названья
И мѣры нѣтъ?

Чтожь? Рухнула со трескомъ колесница,
Хоть цѣль вдали,

И распростерть заносчивый возница
Лежить въ пыли.

Я это зналъ—съ послѣднимъ увлеченьемъ
Конецъ всему;

Но самый прахъ съ любовью, съ наслажденьемъ
Я обойму.

Такъ предо мной дай волю сердцу биться
И не лукавь!

Я знаю край, гдѣ все, что можетъ сниться,
Трепещеть въ явь.

И не зови—но пѣсню на удачу
Любви запой.

На первый звукъ я какъ дитя заплачу —
И за тобой....

Дитя, покорное любви,
Моихъ стиховъ не назови

Ты самолюбіемъ нескромнымъ.
О! нѣтъ! мой стихъ не могъ молчать,
На немъ легла твоя печать
Съ раздумьемъ тягостнымъ и томнымъ.

Не говорю тебѣ — прости!
Твоя судьба — одной цвѣсти;
Да мимо идетъ зовъ мятежной.
Какъ въ жизни разъ и въ пѣсни тожъ
Ты разъ мнѣ сердце потревожъ
И уносишь прекрасной, нѣжной!

И завтра свѣтлый образъ весь
Исчезнетъ тамъ, исчезнетъ здѣсь;
Про твой удѣлъ никто не спросить
И запахъ лиліи ночной
Не достигнетъ луны родной,
Полночный вѣтръ его разноситъ.

25.

А. Л. БРЖЕСКОЙ.

Я вамъ пророчить поклоненье,
Вънецъ прекрасному челу,
И расточать свое умѣнье
Воздать вамъ должную хвалу.

Теперь же слабый мой умишка
Небольше сдѣлаетъ добра,
Какъ театральная афишка
О пьесѣ, сыгранной вчера.

24.

Подъ палаткою пунцовой,
Безъ невольниковъ, одинъ,
Съ одалиской чернобровой
Разстаётся властелинъ:

« Сара, Гурія Пророка,
Солнце дней, источникъ силъ,
Сара, утро не далеко
И проснется Азраиль.

Гдѣ-то завтра, послѣ бою,
Снова ноги подогну?
Иль усталой головою
Беззаботно отдохну?

Съ новой ночью, съ новой кущей,
Пылкой страсти вопреки,
Не коснусь твоей цвѣтущей,
Нарумяненной щеки.

Предъ тобою на бездѣльи
Свой кальянъ не закурю

И въ глаза твои газели
Положъ думъ не посмотрю.

И рукой моей усталой
У тебя не обовью
Черныхъ косъ по фескѣ алой
Чешуйчатую змью.

25.

ЭОЛОВА АРФА.

Онъ.

По листьямъ пронесся шорохъ,
Каждый мигъ въ блаженствѣ дорогъ,
Въ пѣсни каждый звукъ....
Тамъ, гдѣ первое не ясно,
Все, хоть будь оно прекрасно,
Исчезаетъ вдругъ.

Она.

О! не только что внимала,
Я давно предъугадала
Всѣ твои мечты....
Но настроенная выше,
Я рассказываю тише,
Что мечтаешь ты.

Онъ.

Я на всякіе звуки готовъ,
Но не самъ говорю я струной:
Только формы воздушныхъ перстовъ
Обливаю звончатою волной.
Отъ того-то въ разлукъ съ тобой
Слышу я беззвучную дрожь,
Отъ того-то и ты узнаешь
Все, что здѣсь совершится со мной.

Она.

Если мнѣ повелитель ветровъ
Звука два перекинетъ порой,
Но такихъ, гдѣ трепещетъ любовь,
Я невольно пою за тобой....
Ахъ! запой поскорѣе, запой!
Ты не знаешь, что сталося со мной!
Этотъ перстъ такъ прозрачно хорошъ,
Подъ которымъ любовь ты поешь.

Послѣ ранняго ненастья,
Что за ростъ и цвѣтъ обильный!
Ты даешь мнѣ столько счастья,
Что сносить лишь можетъ сильный.

Нынѣ чувства стали рѣдки,
Ты же мнѣ милѣй свободы;
Но боюсь я той бесѣдки,
Гдѣ у ногъ почнотъ воды.

Сердце чуетъ, что не даромъ
Нынѣче счастье такое;
Я въ водѣ горю пожаромъ,
А въ глазахъ твоихъ такъ вдвое.

27.

Мудрымъ нужно слово свѣта,
Дружбѣ сладокъ гласъ участя;
Но влюбленный ждетъ привѣта —
Обновительнаго счастья.

Я-жъ не знаю въ жизни здѣшней,
Думы-ль правы, чувства-ль правы;
Отъ чего такъ мѣсяцъ вешній
Жемчугомъ осыпалъ травы.

Что онъ дрожать, какъ слезы
Голубаго неба очи,
И за чѣмъ въ такія грезы
Манить мглу любовникъ ночи?

Ждетъ онъ что ли? Мнѣ сдается,
Что напрасно я гадаю.
Слышу сердце чаще бьется,
И со мною что? — не знаю.

28.

Мы съ тобой не просимъ чуда:
Только истинное чудно.
Нѣтъ для духа больше худа,
Какъ увлечься безразсудно.

Нынче, завтра — кругъ волшебный
Будетъ нѣмъ и будетъ тѣсень;
Оглянись и міръ всеневный
Многоцвѣтенъ и чудесень.

Время жизни скоротечно,
Но въ одномъ предѣлѣ круга
Наши очи могутъ вѣчно
Пересказывать другъ друга.

29.

Я пришелъ къ тебѣ съ привѣтомъ
Разсказать, что солнце встало,
Что оно горячимъ свѣтомъ
По листьямъ затрепетало;

Разсказать, что лѣсъ проснулся,
Весь проснулся веткой каждой,
Каждой птицей встрепенулся
И весенней полонъ жаждой;
Разсказать, что съ той же страстью,
Какъ вчера — пришелъ я снова,
Что душа все такъ же счастью
И тебѣ служить готова;
Разсказать, чтооготовсюду
На меня весельемъ вѣтъ,
Что не знаю самъ, что буду
Пѣть — но только пѣсня зрѣть.

50.

ДАЛЬ

Облакомъ волнистымъ
Прахъ встаетъ вдали;
Конный или пѣшій—
Не видать въ пыли!

Вижу: кто-то скачетъ
На лихомъ конѣ.
Другъ мой, другъ далѣкій,
Вспомни обо мнѣ!

51.

МОЯ УНДИНА.

Она рѣзва
Какъ рыбка:
Ея слова
Такъ гибко
Шутить въ рѣчи
Готовы,
И что ключи
Все новы....
Она свѣтлѣй
Фонтана,
Она скрытнѣй
Тумана;
Не много зла,
Ревнива....
За то мила
Надиво.

52.

ПЕРЧАТКА.

Перчатку эту
Я подстерегъ:
Она поэту
Нѣмой залогъ

Душистой ночи,
Гдѣ при свѣчахъ
Глядѣлись очи
Въ моихъ очахъ;
Гдѣ вихрь круженій
Качалъ цвѣты,
Гдѣ легче тѣни
Носилась ты;
Гдѣ я, какъ школьникъ,
За мотылькомъ,
Иль какъ невольникъ,
Нуждой влекомъ,
Слѣдилъ твой сладкой,
Душистый кругъ,
И вотъ украдкой,
Мой нѣжный другъ,
Перчатку эту
Я подстерегъ:
Она поэту
Нѣмой залогъ.

На зарѣ ты ея не буди,
На зарѣ она сладко такъ спитъ;
Утро дышетъ у ней на груди,
Ярко дышетъ на ямкахъ ланитъ;

И подушка ея горяча,
И горячъ утомительный сонъ,
И чернѣясь бѣгутъ на плеча
Косы лентой съ обѣихъ сторонъ.

А вчера у окна ввечеру
Долго, долго сидѣла она,
И слѣдила по тучамъ игру,
Что скользя затѣвала луна.

И старалась понять темноту,
Гдѣ свисталъ и урчалъ соловей
То на небѣ, то въ звонкомъ саду;
Билось сердце слышнѣе у ней.

И чѣмъ ярче играла луна,
И чѣмъ громче свисталъ соловей,
Все блѣднѣй становилась она,
Сердце билось больнѣй и больнѣй.

Отъ того-то на юной груди,
На ланитахъ такъ утро горить.
Не буди жъ ты ее, не буди
На зарѣ — она сладко такъ спитъ!

54.

Какая холодная осень!
Надень свою шаль и капоть,
Смотри: изъ-за дремлющихъ сосенъ
Какъ будто пожаръ возстаетъ.

Сіяніе сѣверной ночи
Я помню всегда близъ тебя,
И свѣтятъ фосфорныя очи,
Да только не грядутъ меня.

55.

ДЕРЕВНЯ.

Люблю я пріютъ вашъ печальный,
И вечеръ деревни глухой,
И за лѣсомъ благовѣсть дальный,
И кровлю и крестъ золотой.
Люблю я немятаго луга
Къ окну подползающій паръ
И тѣснаго тихаго круга
Не разъ долитой самоваръ.
Люблю я на тѣхъ посидѣлкахъ
Старушки чепецъ и очки;
Люблю на окнѣ на тарелкахъ
Овса золотые злочки;

На столикъ близко къ окошку
Корзину съ узорнымъ чулкомъ
И по полу рѣзвую кошку
Въ прыжкахъ за проворнымъ клубкомъ;
И милой застенчивой внучки
Красивый дѣвичій нарядъ,
Движеніе блѣдненькой ручки
И робко опущенный взглядъ;
Прощанье смолкающихъ пташекъ,
И мѣсяца блѣдный восходъ,
Дрожанье форфоровыхъ чашекъ,
И рѣчи замедленный ходъ;
И собственной выдумки сказки,
Прохлады вечерней струю,
И васъ любопытные глазки,
Живую награду мою.

56.

Ахъ, дитя, къ тебѣ привязанъ
Я любовью безвозмездной!
Нынче ты, моя малютка,
Снилась мнѣ въ коронѣ звѣздной.
Что за искры эти звѣзды!
Что за кроткое сіянье!
Ты сама, моя малютка,
Что за свѣтлое созданье!

57.

Въ небесахъ летаютъ тучи,
На листьяхъ сверкаютъ слёзы;
До росы шипки грустили,
А теперь смеются розы.

Послѣ грома воздухъ чище
И свѣжѣ дышать люди;
Подъ рѣсницей орошенной
Какъ-то легче жаркой груди.

На природѣ съ каждой каплей
Зеленѣть вся одежда;
Въ небѣ радуга сіяетъ,
Для души горитъ надежда.

58.

УЗНИКЪ.

Густая крапива
Шумитъ подъ окномъ,
Зеленая ива
Повисла шатромъ;
Веселыя лодки
Въ дали голубой;

Жельзо рѣшотки
Свистить подь пилей.
Отпѣтое горе
Усвуло въ груди,
Свобода и море
Горять впереди.
Прибавилось духа,
Затихла тоска,
И слушаеть ухо
И пилить рука.

59.

Ночь. Не слышно городского шума,
Въ небесахъ звѣзда, и отъ нее,
Будто искра, заронила дума
Тайно въ сердце грустное мое.

И свѣтла, прозрачна дума эта,
Будто милыхъ взоровъ мѣткій взглядъ;
Глубь души полна роднаго свѣта,
И давнишней гостьѣ опытъ радъ.

Тихо все, покойно, какъ и прежде;
Но рукой незримой снять покровъ
Темной грусти. Вѣрь и надеждѣ
Грудь раскрыла, можетъ быть, любовь.

Чтожъ такое? Близкая утрата
Или радость? — Нѣтъ, необъяснишь; —
Но оно такъ пламенно, такъ свято,
Что за жизнь Творца благодарить.

40.

ВИДѢНІЕ.

Не ночью, не лживо
Во снѣ пролетѣло видѣнье;
Свершилося диво:
Землѣ подобаетъ смиренье.
Прозрачныя тучи
Надъ дикой Печерской горою
Сплывались въ кучи
Подъ зыбью небесъ голубою.
И юноши въ бѣломъ
Летали отъ края до края,
Прославленнымъ тѣломъ
Очамъ умиленнымъ сіяя.
На тучахъ высоко
Все выше, въ сіяніи славы,
Замѣтно для ока,
Вставали Печерскія главы. . . .

41.

AVE MARIA.

Ave Maria — лампада тиха,
Въ сердцѣ готовы четыре стиха:
Чистая Дѣва, скорбящаго Мать,
Душу проникла Твоя благодать.

Неба Царица! не въ блескъ лучей,
Въ тихомъ предстань сновидѣніи ей!
Ave Maria, — лампада тиха,
Я прошепталъ всѣ четыре стиха.

42.

Опять я затеплю лампаду
И вѣчную книгу раскрою,
Опять помолюся Пречистой
Съ невольно-горлчей слезою.

Опять посѣтитъ меня радость
Безъ бури тоски и веселья,
И снова безмолвныя стѣны
Раздвинетъ уютная келья.

Прочь горе земное: одно лишь
Про землю напомнить мнѣ внятно,
Когда, обращая страницу,
Увижу прозрачныя пятна.

ИЗЪ ГЕЙНЕ.

I.

Красавица-рыбачка,
Причалъ свою ладью,
Поди и сядь со мною,
Дай руку мнѣ свою;
Довѣрчиво головкой
На грудь склонись ко мнѣ:
Вѣдь ты жъ себя ввѣряешь
Безпечно глубинѣ.
Съ приливомъ и отливомъ
Что море — грудь моя,
И много чудныхъ перловъ
Во глубинѣ ея.

II.

На сѣверѣ дубъ одинокій
Стоить на пригоркѣ крутомъ;
Онъ дремлетъ — сурово покрытый
И снѣжнымъ и лдянымъ ковромъ.
Во снѣ ему видится пальма,
Въ далекой восточной странѣ,
Въ безмолвной глубокой печали,
Одна на горячей скалѣ.

III.

Изъ слезъ моихъ много родится
Роскошныхъ и пестрыхъ цветовъ;
И вздохи мои обратятся
Въ полунощный хоръ соловьевъ.
Дитя! если ты меня любишь,
Цветы всѣ тебѣ подарю,
И пѣснь соловьиная встрѣтитъ
Подъ милымъ окошкомъ зарю.

IV.

Хотѣлъ я съ тобою остаться,
Забуться, моя красота;
Но было намъ должно разстаться:
Ты чѣмъ-то была занята.
Тебѣ я сказалъ, что связала
Намъ души незримая связь,
Но ты отъ души хохотала
И ты мнѣ присѣла смѣясь.
Страданья прибавить умѣла
Ты чувствамъ влюбленнымъ моимъ.
И даже помянуть не хотѣла
Прощальнымъ лобзаньемъ твоимъ.
Не думай, что я застрѣлюся,
Какъ мнѣ и ни горекъ отказъ;
Все это, мой другъ, признаюся,
Со мною бывало не разъ.

V.

Твои пылають щеки
Румянцемъ лѣтнихъ розъ,
А у тебя на сердцѣ
Рождественскій морозъ.

Измѣнится все это —
Увидишь ты сама:
На сердцѣ будетъ пламя
И на щекахъ зима.

VI.

По бульварамъ Саламанки
Воздухъ благотворной;
Тамъ въ прохладный лѣтній вечеръ
Я гуляю съ милой донной.

Я рукой нетерпливой
Обнялъ стройное созданье,
И блаженнымъ пальцемъ слышу
Гордой груди волнованье.

Но по липкамъ слышенъ шепотъ
Чѣмъ-то полный невеселымъ,
И ручей внизу плотины
Злобно грезить сномъ тяжелымъ.

Ахъ, сеньора, чувствуетъ сердце,
Скоро буду я въ изгнаньи;
По бульварамъ Саламанки
Не ходить намъ на гулянья.

VII.

Какъ цвѣтъ ты чиста и прекрасна,
Нежна какъ цвѣтокъ по веснѣ;
Взгляну на тебя, и тревога
Прокрадется въ сердце ко мнѣ.

И, кажется, будто бѣ я руки
Тебѣ на чело возложилъ,
Молясь, чтобы Богъ тебя чистой,
Прекрасной и нежной хранилъ.

VIII.

Ахъ, опять все тѣже глазки,
Что такъ нежно улыбались,
И опять все тѣже губки,
Что такъ сладко цаловались!

Этотъ голосъ, что внимать я
Такъ любилъ — не измѣнился;
Только самъ ужъ сталъ не тотъ я,
Измѣненнымъ воротился.

Вновь меня объемятъ страстно
Эти пламенные руки;
Но лежу у ней на сердцѣ
Полонъ холода и скуки.

IX.

Какъ луна, свѣтя во мракъ,
Прорѣзаетъ паръ густой,
Такъ изъ темныхъ лѣтъ выходитъ
Свѣтлый образъ предо мной.

Всѣ на палубѣ сидѣли,
Гордо Рейнь судно качая,
Поздній лучъ младую зелень
Береговъ озолочая.

И у ногъ прекрасной дамы
Я задумчиво сидѣлъ:
Блѣдный ликъ ея на солнцѣ
Краснымъ пламенемъ горѣлъ.

Струны ныли, хоры пѣли,
Жизнь была такъ хороша,
Небо тихо голубѣло,
Разширялася душа.

Чудной сказкою тянулись
Замки, горы мимо насъ,
И все это улыбалось
Мнѣ въ прекрасной парѣ глазъ.

X.

Ланитой къ ланитъ моей приложись —
Тогда наши слезы сольются
И сердцемъ тѣснѣ мнѣ къ сердцу прижмись—
Огнемъ онѣ общимъ зажгутся.

И если въ тотъ пламень польются рѣкой
Тѣ общія слезы мученья,
Я, крѣпко тебя охвативши рукой,
Умру отъ тоски наслажденья.

XI.

Дитя! мои пѣсни далеко
На крыльяхъ тебя унесутъ,
Къ долинамъ Гангесова тока:
Я знаю тамъ лучшій пріютъ.

Тамъ свѣтомъ луны обливаясь,
Въ саду все краснѣя цвѣтеть,
И лотоса цвѣтъ преклоняясь,
Сестрицу завѣтную ждетъ.

Смѣясь, незабудкины глазки
На дальнія звѣзды глядятъ,
И розы душистыя сказки
Другъ другу въ ушко говорятъ.

Припрынувъ, внима полночнѣ,
Тамъ смирно газели глядятъ;
А тамъ, въ отдаленіи, волны
Священнаго тока шумятъ.

И тамъ мы подъ пальмой молодою
Любви и покоя полны,
Склонившись, уснемъ и съ тобою
Увидимъ блаженные сны.

ХП.

Я плакалъ во снѣ: мнѣ приснилось,
Что другъ мой во гробъ лежитъ —
И я проснулся, и долго
Катилися слезы съ ланитъ.

Я плакаль во снѣ: мнѣ приснилось,
Что ты разстаешься со мной —
И я проснулся, и долго
Катилися слезы рѣкой.

Я плакаль во снѣ: мнѣ приснилось,
Что ты меня любишь опять —
И я проснулся, и долго
Не въ силахъ я слезъ былъ унять.

ХІІІ.

ГОРНАЯ ИДИЛЛЯ.

На горѣ стоятъ избушка,
Гдѣ живетъ старикъ съдой;
Тамъ сосна шумитъ вѣтвями,
Свѣтитъ мѣсяцъ золотой.

Посреди избушки кресло,
Пышно рѣзаны края;
Кто на нихъ сидитъ, тотъ счастливъ,
И счастливецъ этотъ — я.

На скамьѣ сидитъ малютка,
Опершись на локотокъ;
Глазки — звѣзды голубыя,
Ротикъ — розовый цвѣтокъ.

И малютка эти звѣзды
Кротко на меня взвела,
И лилейный пальчикъ хитро
Къ розѣ устъ приподняла.

Нѣтъ, ни кто насъ не увидить:
Мать такъ пристально прядеть
И отецъ подъ звуки цитры
Пѣсню старую поетъ.

И малютка шепчетъ тихо,
Тихо, звуки затая;
Много тайнъ немаловажныхъ
Отъ нея развѣдалъ я.

«Но какъ тетушка скончалась
И ходить нельзя ужъ намъ
Въ Госларъ, гдѣ стрельба бываетъ,
А веселье только тамъ.

«Я же робкая такая!
Какъ ребенку страшно мнѣ
Знать, что ночью злые духи
Бродятъ въ нашей сторонѣ.»

Вдругъ малютка приуmoilла,
Будто словъ страшась своихъ,
И рученками прикрыва
Звѣзды глазокъ голубыхъ.

Пуще вѣтръ шумить сосною,
Прялка воетъ и реветъ,
И подъ голосъ звонкой цитры
Пѣсня старая поетъ:

«Не страшись, моя малютка,
Покушеній власти злой;
День и ночь, моя малютка,
Серафимы надъ тобой.»

XIV.

ПОСЕЙДОНЪ.

Солнце лучами играло
Надъ моремъ катящимъ далеко валы;
На рейдѣ блисталъ въ отдаленіи корабль,
Который въ отчизну меня поджидалъ,
Только попутнаго не было вѣтра,
И я спокойно сидѣлъ на бѣломъ пескѣ
Пустыннаго берега;
Пѣснь Одиссея читалъ я — старую,
Вѣчно юную пѣснь. — Изъ ея
Моремъ шумящимъ страницъ, предо мной
Радостно жизнь поднималась
Дюханьемъ боговъ,

И свѣтлой весной челоуѣка,
И небомъ цвѣтущимъ Эллады.
Благородное сердце мое съ участьемъ слѣдило
За сыномъ Лаэрта въ путяхъ многотрудныхъ его;
Садилось съ нимъ въ печальномъ раздумьи
За радушный очагъ,
Гдѣ царицы пурпуръ прядутъ;
Лгать и удачно ему убѣгать помогало
Изъ объятія нимфъ и пещеръ исполиновъ;
За нимъ въ Киммерійскую ночь и въ ненастье
И въ кораблекрушенье,
И съ нимъ несказанное горе терпѣло.
Вздохнувши сказалъ я: «Злой Посидонаъ,
«Гнѣвъ твой ужасенъ,
«И самъ я боюсь
«Не вернуться въ отчизну.»
Едва я окончилъ,
Запѣнилось море,
И богъ морской изъ бѣлѣющихъ волнъ
Главу осокою вѣнчанную поднялъ,
Сказавши въ насмѣшку:
«Что ты боишься, поэтикъ?
Я ни мало не стану тревожить
Твой бѣдный корабликъ,
Не стану въ раздумье о жизни любезной тебя
Вводить излишнюю качкой,
Вѣдь ты поэтикъ, меня никогда не сердилъ:
Ни башенки ты не разрушилъ у вратъ
Священнаго града Пріама,
Ни волоса ты не спалилъ на глазу

Полифема любезного сына,
И тебѣ не давала совѣтовъ ни въ чемъ
Богиня ума — Палада Аѣина.»
Такъ воззвалъ Посейдонъ,
И въ море опять погрузился,
И надъ грубою остротой моряка
Подъ водой засмѣялись
Амфитрида — женщина-рыба
И глупыя дочери Нерей.

КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	<i>Стр.</i>
I. Сѣтъга.	3
II. Гаданія.	9
III. Мелодіи:	
1 Перлы восточныя.	15
2 Какъ умъ къ ней идетъ.	—
3 Не отходи отъ меня.	14
4 Утромъ курится поляна.	—
5 Тихая звѣздная ночь.	18
6 Я полонъ думъ.	—
7 Буря на небѣ вечернемъ.	16
8 Давноль подѣ волшебные звуки.	—
9 Nocturno.	17
10 Когда я блестящій твой локопъ.	—
11 Въ рукъ съ тамбуриномъ.	18
12 Я узнаю тебя.	—
13 Мы вѣхали двое.	19
14 За красавицу соседку.	—
15 Теплымъ вѣтромъ потянуло.	20
16 Между счастьемъ вѣчнымъ.	21
17 Если зимнее небо.	—
18 Полночные образы.	22
19 Я долго стоялъ.	—
20 Шумѣла полночная вьюга.	—
21 Улыбка томительной скуки.	25
22 Тихо вечеръ погараеъ.	24
23 Тихо ночью на стени.	—
24 За кормою струйки выются.	25
25 О солнце глазъ безсонныхъ (изъ Байрона).	—
26 Прощай Тереза (изъ Мура).	26
27 Мы одни.	—
28 Недвижныя очи.	28
29 Весеннее небо глядится.	—
30 Какъ кошки зарею.	29
31 Спи еще зарею.	30
32 Veille sur ce que j'aime.	—
33 Какъ отрокъ зарею.	31
34 Свежъ и душистъ.	—
35 Младенческой ласки доступись.	32

	Стр.
VI. Вечера и ночи	33
IV. Талисманъ	43
V. Баллады:	
1 Звѣй	52
2 Сильфы	—
3 Вампиръ	55
4 Митей	53
5 Дозоръ	57
6 Гера и Леандръ	59
7 Спать пора	61
8 На дворъ не слышно вьюги	62
9 Легенда	68
VII. Сonetы:	
1 О для тебя	65
2 Смотрѣть на васъ	—
3 Рассказывалъ я много	66
4 Владычица Сіона	67
5 Мадонна	—
6 Москва (изъ Кернера)	68
VIII. Соловей и роза	69
IX. Элегіи:	
1 О долго буду я	78
2 Когда мои мечты	—
3 Когда нечтательно	79
4 Помедли, люди спать	—
5 Странное чувство	80
6 Винавать ли я	81
7 Я знаю гордая	82
8 Ея не знаешь свѣтъ	85
9 Эхъ шутки молодость	—
10 Лозы мои	84
11 Тебѣ въ молчаніи	85
X. Саконтала	86
XI. Подражаніе восточному:	
1 Я люблю его жарко	92
2 Изъ Саади	93
3 Языкъ цвѣтовъ	—
4 Не дивись, что я черна	—

XII. Къ Офеліи.	95
-------------------------	----

XIII. Антологическія стихотворенія:

1 Греція.....	98
2 Когда пѣтухъ.....	—
3 Вакханка.....	100
4 Діана.....	101
5 Влажное ложе.....	—
6 Кусокъ мрамора.....	102
7 Съ корзиной полною.....	103
8 Подражаніе XVI идилліи Біона.....	—
9 Центуриъ.....	104
10 Водопадъ.....	105
11 Архилохъ.....	107
12 Изъ Кагула.....	—
13 Къ юношѣ.....	108
14 Застольная пѣсня.....	—
15 Потомецъ радости.....	110
16 Въ златомъ сіяніи.....	111
17 Уснуло озеро.....	—
18 Изъ Анакреона.....	112
19 Многимъ богамъ.....	—
20 Къ красавцу.....	113

XVI. Разныя стихотворенія:

1 Эти думы.....	115
2 Хандра.....	—
3 На водахъ.....	118
4 Венеція ночью.....	110
5 Подѣлисъ живыми снами.....	120
6 Весна.....	—
7 Посвященіе къ Фаусту.....	121
8 Добрый день.....	122
9 Къ картинѣ.....	123
10 Курганъ.....	124
11 Полно спать.....	125
12 Ты говоришь мнѣ прости.....	—
13 Тучка.....	126
14 Свобода и неволя.....	127
15 Сядь у моря.....	128
16 Б.....мъ.....	—
17 Колыбельная пѣсня.....	129

	<i>Стр.</i>
18. Я зналъ ее малюткою	151
19. Еще весна	—
20. Лихорадка	152
21. О! не зови	153
22. Дитя покорное любви	154
23. А. М. Бржеской	155
24. Подъ палаткою пунцовой	156
25. Эоловы арфы	157
26. После раннего ненастья	158
27. Мудрымъ нужно	159
28. Мы съ тобой не просимъ чуда	160
29. Я пришелъ къ тебѣ	—
30. Даль	161
31. Моя Ундина	162
32. Перчатка	—
33. На зарѣ ты ее не буди	163
34. Какал холодная осень	165
35. Деревня	—
36. Ахъ дитя, къ тебѣ привязанъ	166
37. Въ небесахъ летаютъ тучи	167
38. Узникъ	—
39. Ночь. Не слышно городского шума	168
40. Видѣніе	—
41. Ave maria	169
42. Опять я затѣплю лампаду	—

XV. Изъ Гейне:

1. Красавица рыбачка	161
2. На сѣверѣ дубъ	—
3. Изъ слезъ моихъ	162
4. Хотѣлъ я съ тобою	—
5. Твои пылаютъ щеки	163
6. По бульварамъ Саламанки	—
7. Какъ цвѣтъ ты чиста	164
8. Ахъ опять все тѣже глазки	—
9. Какъ луна свѣта во прахъ	165
10. Любитой къ ланитѣ	166
11. Дитя мои пѣсни далеко	—
12. Я плакалъ во снѣ	167
13. Горная идиллія	168
14. Посейдонъ	169